
Издание Партии Народной Свободы.

Ал. Петрункевичъ.

О ВЕЛИКОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ЦѢНА 50 КОП.

ПЕТРОГРАДЪ.

Тип. Т-ва п. ф. «Эл.-Тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.

1917.

Ва № 28909

Издание Партии Народной Свободы.

А. л. Петрункевичъ.

О ВЕЛИКОЙ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Библиограф. указ. 4(14) м., 1957

~~SH 6395~~

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

446416

ПЕТРОГРАДЪ.

Тип. Т-ва п. ф. «Эл.-Тип. Н. Я. Стойковой» Знаменская, 27.

1917.

ЦѢНА 50 коп.

ВВЕДЕНИЕ

А. И. ЛЕВЧЕНКО

О БЕННИОН

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1950

ОГЛАВЛЕНІЕ:

- I. О Государствѣ, народѣ, классахъ и о томъ, какимъ образомъ измѣняются государственныя формы . 5
 - II. Объ общеевропейскомъ значеніи Великой Французской революціи.—Объ общей причинѣ ошибокъ франц. революціонеровъ: ихъ доктринерство, теоретичность 11
 - III. Краткій очеркъ событій франц. исторіи отъ весны до осени 1789.—Роль буржуазіи въ дѣлѣ революціи 15
 - IV. Идеи, во имя которыхъ совершилась французская революція.—О Свободѣ и о народномъ верховенствѣ.—Декларация Правъ 27
 - V. О противорѣчіяхъ франц. конституціи 1791 г. Декларации Правъ 33
 - VI. Дальнѣйшія событія Франц. революціи: 10-е августа.—Конвентъ.—Вопросы о судьбѣ короля.—Жирондисты и Монтаньяры.—Казнь Людовика XVI.—Коммуна. Марать и его проповѣдь.—Казнь жирондистовъ.— Дантонъ.— Робеспьеръ.—Анархія.—Деспоть Наполеонъ 36
-

Не съ сегодняшняго дня нѣкоторые мыслители задаются вопросомъ: не лучше-ли людямъ жить безъ всякаго государства, а такъ, совсѣмъ вольно: налоговъ не платить, на службѣ не служить, никакого начальства не признавать, дѣлай—что хочешь!? Нѣкоторымъ это казалось столь заманчивымъ, что даже книжки объ этомъ писали.

Однако огромное большинство людей, можно прямо сказать, *всѣ* народы *всѣхъ* временъ не словами и книжками, а на дѣлѣ отвѣчали и отвѣчаютъ до сихъ поръ на такой вопросъ отрицательно: «нѣтъ, это будетъ не лучше, а хуже; нѣтъ, *безъ государства*—народу не прожить».

Такъ отвѣчали *всѣ* народы, о *какихъ* только знаетъ исторія; такъ отвѣчалъ и русскій народъ: намъ нужно государство, и государство хорошее, справедливое, мощное.

Только въ такомъ государствѣ русскій народъ вполнѣ разовьетъ *всѣ* свои силы и матеріальныя и, главное, духовныя, и на благо *всѣхъ* остальныхъ народовъ міра принесетъ *свои* дары.

Но, говоря о государствѣ, ясно-ли представляемъ мы себѣ, что такое «государство» вообще? Опредѣлить эту вещь, о которой мы такъ часто и слышимъ, и говоримъ, оказывается не такъ-то просто. Теперь существуетъ цѣлая наука о государствѣ, и наука сложная, и дается много разныхъ

отвѣтовъ на вопросъ: что же такое по существу всякое государство?

Изъ этихъ многихъ отвѣтовъ я возьму сейчасъ одинъ изъ наиболѣе простыхъ, но тѣмъ не менѣе ясно отвѣчающихъ на этотъ вопросъ.

Государствомъ называется нѣкое множество людей, живущихъ на опредѣленной землѣ (территоріи) и подчиняющихся одной общей, всѣми признаваемой верховной власти.

Изъ этого опредѣленія ясно видно, что *три* вещи безусловно необходимы для того, чтобы государство существовало. Во 1-хъ, нужны живые люди, *народъ*; во 2-хъ, нужна территорія, *земля*; въ 3-хъ, нужна *власть*. Если какой нибудь изъ этихъ трехъ вещей не будетъ—не будетъ государства; если которая нибудь изъ этихъ трехъ вещей умалится,—умалится само государство.

Если есть земля и есть живущій на ней народъ, но онъ не объединенъ вмѣстѣ признаніемъ одной общей верховной власти,—нѣтъ государства, и предки наши это отлично понимали, когда, тысячу лѣтъ тому назадъ, утомившись отъ беспорядка и безначалья безгосударственности, послали пословъ къ Варягамъ, жившимъ за моремъ, прося ихъ притти и установить у нихъ государство: «земля наша велика и обильна, сказали они, а порядку въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами».

Въ этихъ словахъ нашей древней лѣтописи содержится, кромѣ голаго описанія факта, еще и нѣкоторое указаніе на то, что *должна дѣлать* въ государствѣ та верховная власть, безъ которой и самого государства не существуетъ.

Она должна прежде всего установить *порядокъ*. Конечно, подъ этимъ словомъ въ разныя времена понимались совсѣмъ

не одинаковыя вещи: порядокъ современнаго, на правѣ и законѣ основаннаго государства безконечно далекъ отъ порядка первобытнаго государства, держащагося только страхомъ и силою. Но общее и въ томъ, и въ другомъ государствахъ всетаки есть, и это общее есть признаніе необходимости той власти, которая поддерживаетъ данный строй, порядокъ, нужный *всѣмъ* людямъ, входящимъ въ составъ государства.

Государственная власть, превращающая нѣкоторую безформенную массу людей, живущихъ на одной территоріи, въ членовъ *государства*, существуетъ не сама для себя, а для *всего* народа, и не сама по себѣ, а согласіемъ, волею, признаніемъ *всего* народа.

Только такое государство и только такая государственная власть, которыя полезны и нужны *всему* народу, могутъ и будутъ существовать, ибо только такое государство и только такая государственная власть будутъ *поддерживаться всѣмъ* народомъ.

Но «народъ» вѣдь состоитъ изъ живыхъ людей, съ ихъ мѣняющимся развитіемъ, требованіями и нуждами, и, стало быть, правильно устроенное государство, нужное и полезное для этого народа, должно умѣть измѣнять свои государственныя формы и порядки соотвѣтственно росту и измѣненіямъ народа.

Государство и государственная власть должны мѣняться вмѣстѣ съ народомъ, и меньше всего мудрымъ государственнымъ людямъ пристало говорить: «такъ дѣды и отцы наши жили, такъ и мы проживемъ». Нѣтъ, порядки, которые 200 лѣтъ тому назадъ могли бы почитаться за очень хорошіе, теперь могутъ быть никуда не годными.

Власть должна приспособляться къ народу, къ тѣмъ, кто выражаетъ его мнѣнія и его пожеланія.

А выражаютъ его мнѣнія и пожеланія въ *разныя* времена *разныя* группы населенія. Обыкновенно тѣ группы и тѣ слои, которые въ данный моментъ наиболѣе вліятельны и могущественны, кто можетъ громче и настойчивѣе всѣхъ возвышать свой голосъ.

Ибо никогда и нигдѣ никакой народъ не состоялъ изъ одной сплошной массы совершенно равныхъ во всемъ людей: физической-ли силой, хитростью-ли, обманомъ, умомъ, богатствомъ, удачей, съ древнѣйшихъ временъ и у всѣхъ народовъ всегда выдавались отдѣльные люди и цѣлыя группы людей, которыя пріобрѣтали въ народѣ особое вліяніе и власть, и потому поддержка ихъ для государства была особенно важна.

Такъ, извѣстно, что и въ Европѣ и у насъ, въ Россіи, государственная власть въ древнія времена опиралась больше всего на духовенство и дворянство, ибо это были наиболѣе просвѣщенные и хозяйственно-богатые слои населенія.

Позднѣе поднялись города: тогда стали играть роль горожане и сперва опять наиболѣе просвѣщенная и богатая часть горожанъ, такъ называемая—буржуазія ¹⁾.

Потомъ, по мѣрѣ, роста заводско-фабричной промышленности и вмѣстѣ съ ней роста фабричнаго населенія, стало возрастать и его сила и вліяніе.

¹⁾ Это иноземное слово какъ разъ и происходитъ отъ слова «бургъ», что значить городской поселокъ; буквально слову «буржуазія» соотвѣтствуетъ русское слово «горожане» и польское слово «мѣщане».

Мы какъ разъ и живемъ въ такую эпоху, когда, послѣ того, какъ въ дѣлахъ государственныхъ громко заговорили духовенство, дворянство и буржуазія, теперь заговорили, въ свою очередь, рабочіе и крестьянство.

Мудрость государства и носителей государственной власти въ томъ и заключается, чтобы постепенно и своевременно измѣнять формы общественнаго и политическаго строя такъ, чтобы онѣ наилучшимъ образомъ соотвѣтствовали новому народному содержанію.

Я сказала: «мудрость носителей государственной власти». Но носителями этой власти являются не только официальные правители, но также и тѣ слои народа или общества, которые, будучи въ данный моментъ наиболѣе вліятельными, вліяніемъ своимъ поддерживаютъ власть.

Поэтому мудрость этихъ слоевъ общества должна заключаться въ томъ, чтобы во время предоставить справедливую долю участія въ государственныхъ дѣлахъ тѣмъ новымъ группамъ населенія, сила и значительность которыхъ въ жизни народа даетъ имъ на это право.

Исторія свидѣтельствуетъ, однако, что и отдѣльные люди, и классы рѣдко безъ борьбы уступаютъ не только цѣликомъ свою власть, но хотя бы часть ея, и потому всякое измѣненіе въ соотношеніи отдѣльныхъ группъ общества неизбежно приводитъ къ *борьбѣ классовъ за власть*.

Борьба эта въ разныхъ странахъ протекала по разному. Тому причиной не только различія въ *нравахъ* разныхъ народовъ, различія психологическія, но и различія въ государственныхъ формахъ.

Если эти государственный формы таковы, что въ нихъ могутъ выражаться классовыя требованія, другими словами,

что въ нихъ можетъ вмѣститься классовая борьба, то она протекаетъ нормальнымъ, не насильственнымъ путемъ, путемъ реформъ, путемъ постепеннаго, хотя иногда и спѣшнаго прилаживанья и измѣненія строя и быта государства къ новымъ потребностямъ.

Такъ, на примѣръ, жила и живетъ до сихъ поръ Англія. Съ конца XVII вѣка, когда она прогнала своего короля Іакова II и посадила на его мѣсто другого короля, она не переживала больше никакихъ насильственныхъ переворотовъ, но зато, пользуясь широкой политической свободой, ревниво оберегавшейся ея Парламентомъ, она путемъ *реформъ* достигла такой степени государственнаго и соціальнаго благоустройства, которое ни въ чемъ ни уступаетъ наиболѣе свободнымъ республикамъ.

Если-же государственныя формы оказываются неподатливыми, если люди, пользующіеся въ государствѣ властью и вліяніемъ, будутъ слѣпы, упорны, неуступчивы, то классовая борьба въ такихъ странахъ принимаетъ характеръ острый, насильственный, и потребныя нововведенія входятъ въ жизнь не путемъ реформъ, а путемъ переворотовъ, *революціи*.

Континентальная Европа перенесла ихъ за послѣднія 125 лѣтъ не мало. Величайшими изъ нихъ, по значенію для *всей* Европы, слѣдуетъ признать Французскія революціи 1789 и 1848 г.г.

И первая Революція 1789—95 г.г., и вторая 1848 г. установили во Франціи *республику*; но республика эта оказалась весьма недолговѣчной и непрочной и, просуществовавъ, въ первомъ случаѣ десять лѣтъ, а во второмъ—четыре года—уступила мѣсто первому и третьему Наполеонамъ.

Приобрѣтенія, сдѣланныя революціоннымъ путемъ, оказались, такимъ образомъ, гораздо менѣе прочными, чѣмъ приобрѣтенія, дѣлавшіяся Англіею путемъ реформъ.

Отчего это произошло? Почему революціи, свергшія старый режимъ королевской власти и провозгласившія свободу и равенство гражданъ, не смогли удержать этихъ благъ, и почему народъ, казнившій въ 1793 г. Людовика XVI и прогнавшій въ 1848 г. Луи-Филиппа въ Англію, послѣ того покорно склонился подъ ярмо Наполеона I и Наполеона III?

Я попытаюсь хоть нѣсколько освѣтить эти вопросы и указать на тѣ отвѣты на нихъ, которые могутъ почитаться научно-справедливыми.

Остановимся на Великой Французской революціи.

II.

Великая Французская Революція, длившаяся по одному счету 3 года (1789—1792), по другому 6 лѣтъ (1789—1795), по третьему 10 лѣтъ (1789—1800), совершила огромный переворотъ въ жизни и понятіяхъ не только Франціи, но и всей остальной Европы.

Вся современная жизнь въ области политическихъ и социальныхъ вопросовъ, все, что теперь волнуетъ и заботитъ людей,—все это ведетъ свое начало отъ XVIII вѣка, когда, либо впервые были провозглашены нѣкоторыя идеи, либо въ старыя слова и понятія вложенъ новый, болѣе углубленный смыслъ.

Франція поистинѣ учительница всей Европы и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы это сознаемъ.

Ибо мы обязаны ей не только за провозглашеніе нѣкоторыхъ истинъ, которыя до того никогда такъ ярко и громко не провозглашались, но мы обязаны ей также и за ея ошибки, ибо на нихъ она наглядно показала намъ, чего слѣдуетъ остерегаться и избѣгать, дабы не впасть въ роковыя заблужденія, гибельныя для самого дѣла свободы.

Французская Революція была поистинѣ великой по величію своихъ заданій, по силѣ своего напряженія, по числу жертвъ, павшихъ во время борьбы, по времени, которое для нея потребовалось, по кровопролитію, которымъ она себя запятнала, и по *ошибкамъ*, которыя она совершила.

Мы, творящіе революцію на 125 лѣтъ позднѣе французовъ, должны воспользоваться урокомъ, даннымъ намъ исторіей великой и прекрасной страны.

Мы должны не только повторить, но и продолжить то хорошее, что она сдѣлала, и мы должны, кромѣ того, избѣжать тѣхъ ложныхъ шаговъ, отъ которыхъ Франція не убереглась только потому, что не признавала въ полной мѣрѣ ихъ гибельность.

Намъ, знающимъ, какъ развивались событія Франц. Революціи, непозволительно повторять ея промахи.

И если мы отъ этого дѣйствительно уберемся, если мы не оступимся тамъ, какъ оступилась Франція въ 1793—94 г.г., то о нашей революціи скажутъ не только, что она была Великой, но и что она была поистинѣ Славной.

Разсмотримъ-же каковы тѣ промахи, которые исказили основныя идеи Франц. Революціи, и прежде всего ту причину, по какой Франція впадала въ эти промахи?

Причина эта, говоря кратко, заключается въ томъ, что французы XVIII вѣка составили себѣ совсѣмъ невѣрное представленіе о двухъ вещахъ, ясно понимать которыя было особенно необходимо для тѣхъ, кто хотѣлъ осчастливить всѣхъ *людей*, переустроивъ для этого совершенно все *государство*.

Эти двѣ вещи, которыхъ не поняли французы, были какъ разъ: человѣкъ и происхожденіе государственнаго строя.

Относительно человѣка тогдашніе мыслители полагали, что всѣ люди отъ природы совершенны и разумны настолько, что разумъ въ нихъ всегда восторжествуетъ и надъ страстями и надъ привычками. Стоитъ только человѣку хорошенько объяснить что-нибудь, и онъ всегда пойдетъ по пути справедливости и добра, не поддаваясь никакимъ искушеніямъ и соблазнамъ.

Если въ окружающей дѣйствительности мы видимъ большую разницу въ нравственности и умственныхъ качествахъ людей, то виновата въ этомъ не природа, а несовершенство человѣческихъ учрежденій, строя общества.

Изъ этого, въ качествѣ вывода, вытекало второе убѣжденіе, такое-же невѣрное, какъ и первое: передѣляйте согласно предписаніямъ разума и логики государственную и общественную жизнь, и всѣ люди сразу станутъ и добрыми, и разумными, и счастливыми.

Говорить такъ, значило утверждать большую нелѣпость. Говорить такъ, значило не понимать совершенно ни дѣйствительнаго человѣка, души его, ни исторіи народовъ и учрежденій.

Ибо, если знать душу человѣческую, то ясно видно, что люди рождаются вовсе не равно разумными и совершен-

ными; что разумность вообще въ человѣкѣ отнюдь не есть его главенствующая черта; что и страсти, и привычки, и соблазны чаще побѣждаютъ разумъ, чѣмъ побѣждаются имъ; и что то, что кажется до очевидности яснымъ одному, сплошь и рядомъ не кажется таковымъ другому, и вовсе не по его глупости, а потому, что онъ подходитъ къ вопросу съ какой-то иной, своей собственной точки зрѣнія.

Во вторыхъ, если знать исторію народовъ вообще и исторію учрежденій въ частности, то совершенно очевидно, что простымъ постановленіемъ закона, «декретомъ», невозможно сразу измѣнить общественные и политическіе взгляды и привычки, слагавшіеся десятилѣтіями, иногда вѣками.

Какъ разъ эту мысль, непонятную французамъ XVIII вѣка, очень ярко сознавали англичане, которые говорили, что «конституціи не пишутся людьми, а слагаются исторіей». Этой фразой они не хотятъ сказать, что люди не должны вовсе писать, т. е. создавать новыхъ конституцій, а только то, что лишь такая конституція прочна, которая не выдумана просто изъ головы, а продиктована самой жизнью, т. е. исторіей страны.

Французскіе законодатели XVIII вѣка вообще къ исторіи относились довольно пренебрежительно. Они рѣшительно не хотѣли знать, что «людей вообще», отвлеченнаго «человѣка» не существуетъ, а что есть человѣкъ историческій: французъ, нѣмецъ, англичанинъ, ставшій къ опредѣленному моменту такимъ, а не инымъ, благодаря вѣковой исторіи своей страны и народа.

Французскіе законодатели хотѣли написать законы не только для своей родины, а для всего человечества, пола-

гая, что разницы между народами и даже между ступенями ихъ развитія нѣтъ.

Они эту мысль высказывали неоднократно: такъ на-
примѣръ, 18 авг. 1789 г. при обсужденіи знаменитой декла-
раціи правъ говорилось:..... «Вы захотѣли создать такую
Декларацію, которая примѣнялась бы ко *всѣмъ* людямъ,
ко *всѣмъ* націямъ... Вы не хотите считаться съ обстоятель-
ствами; не слѣдуетъ бояться высказать здѣсь истины *всѣхъ*
вѣковъ и *всѣхъ* народовъ» (Дюперъ).

Вотъ это стремленіе не только устранить ближайшіе
недочеты въ устройствѣ своей собственной страны, но сразу,
однимъ росчеркомъ пера, переустроить всю жизнь на землѣ
и даже всѣхъ людей; всѣхъ заставить одинаково понимать
вещи и одного и того-же желать—оказалось для француз-
ской революціи вреднымъ, ибо, прежде всего, вовлекло
французовъ въ войну съ сосѣдями, которыхъ они захотѣли
не только освободить отъ угнетателей, но и сдѣлать сво-
бодными непремѣнно на свой манеръ.

Кончилось тѣмъ, что эти страны, вначалѣ встрѣтившія
Францію какъ освободительницу, въ концѣ концовъ уви-
дѣли въ ней только угнетательницу и вознегодовали на нее.

III.

Я остановилась на выясненіи общихъ (философскихъ)
взглядовъ французовъ XVIII в. на человѣка и государство
для того, чтобы намъ яснѣе стала причина ихъ заблужденій
и ошибокъ, исказившихъ ненужными жестокостями и
несправедливостями тѣ великія и прекрасныя идеи, такъ

называемые «принципы 1789 года», которые явились «благой вѣстью» для западной континентальной Европы. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самыхъ этихъ принциповъ, выраженныхъ въ Декларациі Правъ.

Однако, прежде, вкратцѣ расскажу тѣ историческіе факты, которые предшествовали провозглашенію этой Декларациі.

Къ 1789 г. жизнь Франціи совсѣмъ разстроилась: и политическое ея устройство оказалось негоднымъ, и государственное хозяйство въ концѣ разорилось, такъ что казна совсѣмъ пустовала, и народное хозяйство пришло въ совершенный упадокъ. Произошло это и въ силу общихъ плохихъ условій, и въ силу цѣлаго ряда бѣдствій: морозы, ливни, засухи, грады подрядъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совсѣмъ опустошили даже наиболѣе богатая части страны. Франція погибала.

На престолѣ ея сидѣлъ король Людовикъ XVI, очень недалекій, добродушный толстякъ. Онъ былъ плохо образованъ, мало подготовленъ къ веденію государственныхъ дѣлъ, имѣлъ неповоротливый умъ и весьма нерѣшительный характеръ. На него было такъ легко вліять и заставлять его мѣнять свои мнѣнія, что о немъ говорили, что правительственный день его проходилъ въ томъ, чтобы раздѣлывать вечеромъ все сдѣланное утромъ.

Власть его тяготила. Вкусы у него были самые скромные, обывательскіе: больше всего онъ интересовался охотой и слесарнымъ мастерствомъ. Вообще же любилъ физическій трудъ и съ удовольствіемъ таскалъ бревна и балки, помогая Версальскимъ рабочимъ. Онъ былъ очень хорошиій семьянинъ, добрый и заботливый мужъ и отецъ.

Все это было прекрасно, и по вступленіи его на престоль въ 1774 г. Франція, точнѣе Парижъ и Версаль, много умилялись на своего короля, но всего этого было совершенно недостаточно для правителя перваго государства Европы.

Монархъ, который былъ абсолютнѣйшимъ изъ монарховъ, который въ рукахъ своихъ держалъ всѣ нити всей государственной жизни королевства, который располагалъ 25 милліонами подданныхъ, не могъ обладать скромными качествами скромнаго обывателя, а въ особенности въ такой трудный моментъ.

Трудности и несправедливости господствующаго порядка сознавались теперь острѣе, чѣмъ когда-либо.

Ибо XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ пробудившейся и лихорадочно работавшей мысли, былъ «вѣкомъ просвѣщенія». Французскіе образованные люди, мыслители, писатели, словомъ, такъ называемая «интеллигенція», сплошь вышедшая изъ рядовъ *буржуазіи*, подняли всѣ отдѣлы науки и знаній на небывалую высоту, создавъ своей странѣ заслуженную славу «учительницы Европы».

Но этого мало. Именно французскіе мыслители и писатели придали новымъ идеямъ, не всегда даже ими самими рожденнымъ, а часто заимствованнымъ, на примѣръ изъ Англіи, такую яркую и для всѣхъ понятную и убѣдительную форму, что благодаря этому идеи эти получили широкое распространеніе и много содѣйствовали просвѣщенію народныхъ массъ. Всѣ тѣ прекрасныя и высокія мысли о благѣ и счастьѣ всего народа, о свободѣ и равенствѣ, о справедливости и лучшемъ государственномъ устройствѣ, которыя вдохновляли и вождей, и рядовыхъ французской революціи,—всѣ эти идеи выношены и провозглашены,

сдѣланы достояніемъ Франціи и всего человѣчества—французской буржуазіей. Въ этомъ одна изъ величайшихъ историческихъ заслугъ этого класса.

Буржуазія подготовила общественное мнѣніе къ революціонному перевороту: безъ буржуазнаго просвѣщенія XVIII вѣка не было бы и самой Великой Революціи.

Но буржуазія была не только самымъ просвѣщеннымъ классомъ Франціи, она была и самымъ богатымъ. Торговля, промышленность, банковое дѣло—находилось исключительно въ ея рукахъ. За послѣднее время государство много ей задолжало. Поэтому она особенно обезпокоена была всѣми тѣми непорядками и стѣсненіями, которые выпадали на ея долю отъ неумѣлаго, нерадиваго, а иногда и прямо недобросовѣстнаго управленія государствомъ вообще, а въ частности государственной казны.

Вотъ почему французская буржуазія ревностно стремилась добиться такихъ государственныхъ реформъ, которыя вывели-бы ее, а также и весь народъ, находившійся съ нею въ одинаково-трудномъ положеніи, изъ того безправія, въ которомъ они пребывали до сихъ поръ.

Ибо въ отношеніи *безправія* и богатая буржуазія, не особенно многочисленная (милліоновъ $4\frac{1}{2}$), и бѣдное, но очень многочисленное крестьянство (милл. $19\frac{1}{2}$ —20) находились въ совершенно одинаковомъ положеніи: вся власть въ государствѣ, все значеніе принадлежало очень небольшой группѣ людей первыхъ двухъ привилегированныхъ классовъ: высшему духовенству и дворянству. Только эти два немногочисленные (500 тыс.) классы и считались за опору государства, за государственныя сословія, вся остальная масса населенія, вся непривилегированная буржуазія и все

крестьянство даже не имѣли собственнаго сословнаго наименованія, а просто значились «III-мъ сословіемъ». Какъ видимъ, сюда входили группы очень различнаго и умственнаго, и экономическаго, и политическаго развитія.

Отмѣтимъ тутъ же, что говоря о III-мъ непривилегированномъ сословіи, мы до сихъ поръ не помянули *рабочій* классъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Это потому, что тогда рабочихъ было сравнительно очень немного, едва $2\frac{1}{2}$ мил. на 25 мил. населенія, они отнюдь еще не были организованы въ опредѣленный классъ и не выставляли никакихъ требованій, враждебныхъ буржуазіи. Напротивъ, рабочіе и буржуа дѣйствовали дружно и заодно напрягали всѣ свои силы противъ стараго государственнаго порядка, равно давившаго ихъ обоихъ.

Главную массу III-го сословія составляло крестьянство. Огромное большинство крестьянства владѣло лично землей; но этой земли ему не хватало, хотя нужно считать, что около $\frac{2}{3}$ всей земельной площади находилось въ рукахъ III-го сословія ($\frac{1}{3}$ принадлежала дворянству и духовенству). Не хватало крестьянству земли потому, что способы обработки этой земли были весьма несовершенны, а всякихъ налоговъ и поборовъ на крестьянъ ложилось больше, чѣмъ на кого бы то ни было.

Ибо *неравенство* было основной и характерной чертой стараго порядка. Неравенство въ правахъ и неравенство въ обязанностяхъ. Духовенство и дворянство почти не несло никакихъ денежныхъ повинностей передъ государствомъ и пользовалось въ немъ всѣми правами: управляли государствомъ, занимали лучшія должности, пользовались всякими льготами со стороны суда. III-е же сословіе, и особенно

крестьянство, платило безъ конца денежныхъ взносовъ: и государству, и духовенству, и своимъ помѣщикамъ, а правъ никакихъ не имѣло и въ рѣшеніи дѣлъ никакого участія не принимало. Среди него даже насчитывалось около 1 милліона людей, которые находились въ состояніи личнаго рабства. Понятно поэтому, что крестьянство не менѣе буржуазіи тяготилось господствующими порядками и охотно соглашалось на тѣ планы реформы, которые вырабатывала въ послѣдніе годы буржуазія, и которые сводились въ общемъ къ установленію въ государственномъ строѣ *равенства и свободы*.

* * *

Эти завѣтные мечты лучшихъ людей Франціи XVIII вѣка получили вскорѣ по вступленіи на престолъ Людовика XVI новый толчокъ, благодаря совершившейся въ 1774—1776 Американской революціи, создавшей новое, невиданное дотолѣ, свободное государство Соединенныхъ Штатовъ.

Французы энергично поддерживали Американцевъ въ ихъ борьбѣ за независимость; снаряжали на свой счетъ цѣлые отряды волонтеровъ, посылали деньги и даже заставили, силою своего воодушевленія, Правительство франц. вмѣшаться въ эту войну и поддержать американцевъ. Людовикъ XVI это сдѣлалъ, но казна его совершенно оказалась послѣ этого пуста, и вотъ для того, чтобы придумать, какъ ее пополнить, и было рѣшено возобновить старинный французскій обычай созыва всѣхъ трехъ сословій государства: духовенства, дворянства и III-го сословія.

Созывая ихъ, король далъ, наконецъ, уступку общественному мнѣнію, которое приблизительно за годъ до этого

опредѣленно высказалось за созывъ представителей государства. Громче всѣхъ объ этомъ заговорили верховные французскіе суды, такъ называемые парламенты, которые даже понесли за это кару. И всетаки, въ концѣ концовъ, правительству пришлось уступить.

Мало того: созывая Генеральные Штаты, Людовикъ XVI раскрывалъ передъ своими подданными необыкновенно широкіе горизонты: онъ приглашалъ ихъ не только обсудить финансовыя затрудненія, но и переустроить все государство. «Генеральные Штаты» должны были собраться весной 1789 г. Вся страна съ восторгомъ встрѣтила это рѣшеніе короля и стала лихорадочно готовиться къ тому, чтобы выбрать депутатами самыхъ лучшихъ людей, которые дѣйствительно могли-бы помочь королю своимъ знаніемъ и своимъ разумомъ .

Особенно ретиво старалась буржуазія. Она съ основаніемъ сочла, что наступилъ, наконецъ, тотъ давно жданный моментъ, когда она громко сможетъ изложить всѣ свои планы и помочь переустроить государство на началахъ сословнаго и граждански-правового равенства и справедливости.

5-го мая 1789 г. Генеральные Штаты торжественно открылись, но сразу же обнаружилось, что правительство, измѣняя раньше даннымъ торжественнымъ завѣреніямъ, не хочетъ приступать къ реформамъ, а ждетъ отъ делегатовъ только изысканія новыхъ источниковъ для пополненія своей оскудѣвшей казны. Далѣе выяснилось, что оно не хочетъ ввести управленія между сословіями ни въ налоговомъ, ни въ правовомъ отношеніяхъ. Тогда Генеральные Штаты, въ которыхъ на 1200 делегатовъ половина приходилась

на долю 3-го сословія, рѣшили вопреки мнѣнію правительства и двухъ привилегированныхъ сословіи объявить себя *Національнымъ Собраніемъ*, т. е. народнымъ представительствомъ *всей* Франціи, и дѣйствовать какъ таковое. III-е сословіе имѣло нравственное право сдѣлать такъ потому, что по подсчету голосовъ выяснилось, что 600 депутатовъ III сословія представляютъ 95% всего населенія королевства; значить не было самозванствомъ со стороны этихъ депутатовъ выдавать свои мнѣнія за мнѣнія всей страны.

Генеральные Штаты превратились въ Національное Собраніе Франціи 17 іюня 1789 года, а черезъ три дня, 20-го іюня, это собраніе совершило поступокъ уже совсѣмъ революціонный.

Король запретилъ депутатамъ сходиться вмѣстѣ для обсужденія дѣлъ и даже велѣлъ закрыть и запечатать залъ, гдѣ происходили засѣданія. Делегаты, вмѣсто того, чтобы подчиниться приказанію, собрались въ большемъ пустомъ помѣщеніи по сосѣдству, въ такъ называемомъ «залѣ для игры въ мячъ», и тамъ принесли торжественную клятву, наперекоръ королю, «не расходиться до тѣхъ поръ, пока они не напишутъ для своей родины новую конституцію, т. е. новые основныя государственныя законы».

Эту задачу—*созданіе новой конституціи для Франціи*—депутаты считали своей главной и священной обязанностью, ибо они полагали, что никакое государство не можетъ правильно жить, если въ немъ законы и порядки не будутъ твердо установлены закономъ-же, а не произволомъ короля и его министровъ.

Въ отвѣтъ на это революціонное заявленіе депутатовъ, король, въ торжественномъ засѣданіи 23 іюня 1789 г.,

заявилъ, что онъ *запрещаетъ* депутатамъ обсуждать дѣла въ *совмѣстныхъ* засѣданіяхъ, что онъ требуетъ, чтобы они вернулись къ обычаямъ прежнихъ временъ, когда депутаты засѣдали посословно, въ отдѣльныхъ залахъ, и, наконецъ, что онъ повелѣваетъ сейчасъ-же имъ разойтись, чтобы завтра приступить къ тѣмъ работамъ и такъ, какъ это имъ преуказано.

Прочтя національному собранію этотъ выговоръ, король удалился; вслѣдъ за нимъ удалились депутаты первыхъ двухъ сословій, но депутаты III-го сословія не двинулись со своихъ мѣстъ. Думая, что они не поняли или не разслышали приказанія короля, одинъ изъ придворныхъ обратился къ предсѣдателю, прося его передать снова королевскую волю всѣмъ присутствующимъ. Но не успѣлъ предсѣдатель и рта раскрыть, какъ на середину залы выступилъ знаменитый ораторъ собранія графъ Мирабо, выбранный депутатомъ отъ III-го сословія, несмотря на знатность своего происхожденія, и произнесъ слова, ставшія съ тѣхъ поръ историческими: «Пойдите и скажите тѣмъ, кто васъ сюда прислалъ, что здѣсь мы находимся *по волю народа*, и что отсюда мы уйдемъ только уступая силѣ штыковъ». Громкіе крики одобренія всѣхъ депутатовъ поддержали это заявленіе Мирабо, и затѣмъ собраніе перешло къ своимъ текущимъ занятіямъ. «Господа, сегодня мы остались тѣ же, что были вчера: засѣданіе открыто», сказалъ предсѣдатель.

Слова Мирабо были очень знаменательны: впервые въ Національномъ Собраніи вполне ясно была выражена мысль, ставшая однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній революціи, мысль о томъ, что въ государствѣ верховная власть должна принадлежать самому народу, что *его воля* есть

источникъ авторитета. Мысль эту собраніе развило затѣмъ въ своей деклараціи и Конституціи.

Создать эту конституцію было главной заботой Національнаго Собранія, и съ 9-го іюля оно уже приступило къ подготовительнымъ работамъ. Работать Національному Собранію, которое съ этихъ поръ стало зваться «*Конституантой*», было очень трудно: во-1-хъ, само учредительное собраніе было слишкомъ многочисленно и громоздко для такой тонкой и сложной работы, во-2-хъ, совершившіяся тогда событія лишали законодателей необходимаго спокойствія, заставляли ихъ спѣшить тамъ, гдѣ слѣдовало бы еще и еще поразмыслить.

* * *

Изъ этихъ событій самымъ яркимъ и знаменательнымъ было взятіе Парижанами древней королевской крѣпости Бастиліи 14-го іюля 1789 г.

Начался этотъ мятежъ изъ-за того, что въ Парижѣ узнали, что король, подъ вліяніемъ королевы, родомъ Австріячки, и ея друзей, задумалъ смѣнить тѣхъ министровъ, которымъ страна больше довѣряла (Неккеръ), а на ихъ мѣсто назначилъ самыхъ подозрительныхъ лицъ. Но этого еще мало: какъ-бы дразня общественное мнѣніе, эта придворная небольшая кучка людей хотѣла распустить Учредительное собраніе и арестовать всѣхъ наиболѣе замѣтныхъ членовъ его.

Едва это стало извѣстно, парижане возстали. На улицахъ произносились зажигательныя рѣчи, и всѣ добрые «патріоты», какъ тогда стали зваться сторонники новаго режима, прицѣпили себѣ на шляпы или платье зеленые

листки—двѣтъ надежды. Правительство сдѣлало было попытку усмирить возставшихъ, двинуло противъ нихъ военные отряды, но солдаты не захотѣли стрѣлять въ своихъ братьевъ и перешли на ихъ сторону. Полиція исчезла, власти попрытались. Тогда возставшіе, чтобы сохранить въ городѣ порядокъ и не дать всякимъ темнымъ личностямъ превратить революцію въ погромъ, организовали новое городское управленіе и городскую милицію, которая позднѣе превратилась въ національную гвардію.

Все это произошло 12 и 13 іюля, а 14-го парижане, въ поискахъ за оружіемъ, чтобы снабдить имъ свою вновь сформированную милицію, взяли приступомъ старинную крѣпость Бастилію, которая казалась какъ бы внѣшнимъвыраженіемъ абсолютной самодержавной королевской власти. Въ народѣ рассказывали, будто въ этой крѣпости съ высокими башнями, за желѣзными рѣшетками, томятся несчастные узники, заключенные туда королевскимъ деспотизмомъ, но на дѣлѣ это оказалось невѣрно, и когда Бастилія пала, изъ крѣпости были освобождены всего 7 человекъ, изъ которыхъ 4-ро оказались самыми обыкновенными мошенниками.

Паденіе Бастиліи не только во Франціи, но и въ Европѣ привѣтствовалось какъ очень радостное событіе. Даже у насъ здѣсь, въ Петроградѣ, незнакомые люди, встрѣчаясь на улицѣ, обнимались и поздравляли другъ друга съ большимъ праздникомъ. Это потому, что всюду это первое выступленіе парижскаго населенія на защиту Учредительнаго Собранія разсматривалось и понималось, какъ начало новыхъ порядковъ и конецъ стараго безконтрольнаго безответственнаго режима.

«Начало новыхъ порядковъ!» Вотъ эти-то новые порядки и надлежало теперь Учредительному Собранію утвердить и закрѣпить въ новыхъ законахъ, такихъ, которые бы навсегда сдѣлали невозможными возвратъ къ старому. Совокупность этихъ новыхъ законовъ и должна была составить Новую Французскую Конституцію.

Глубокое волненіе охватило послѣ 14-го іюля всю страну. Крестьяне, не понимая, что переустроить все по новому невозможно въ три дня, что законы не такъ-то легко выработать съ надлежащимъ соблюденіемъ справедливости, въ нетерпѣннн раздражались на Учредительное Собаніе, находя, что оно слишкомъ медленно работаетъ. Они перестали платить подати, ухудшая и безъ того ужасное положеніе государства, и начали грабить помѣщиковъ.

Тогда правительственные члены Національнаго Собранія, понимая, что у народа разгорѣлись худшія страсти и что необходимо какъ-нибудь его образумить, рѣшили сами, не дожидаясь никакихъ предписаній, *отказаться* за выкупъ отъ всѣхъ своихъ *особыхъ* правъ и доходовъ, такъ называемыхъ привилегіей, и установить полное *равенство* всѣхъ передъ закономъ.

Это случилось въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи на 4-е августа 1789: послѣдніе остатки средневѣковаго неравенства пали: лица, города, общины, цехи—всѣ отказались отъ какихъ бы то ни было преимуществъ и отличій передъ закономъ:—впредь всѣ будутъ равны.

А на другое утро послѣ этого засѣданія, Конституанта приступила къ обсужденію той «Декларации правъ чело-вѣка и гражданина», которую рѣшено было предпослать самой конституціи.

Эта конституція просуществовала во Франціи очень недолго, всего 1 годъ, но введеніе къ ней, «Заявленіе о правахъ челоуѣка и гражданина», не только перешло конституцію, но и сохранилось на вѣки, какъ одинъ изъ величайшихъ документовъ освободительнаго движенія всей Европы. Именно въ этой Декларации и выражены яснѣе всего тѣ великія идеи, которыя революціонная Франція «благовѣстила» челоуѣчеству. Переходимъ теперь къ разбору этихъ идей.

IV.

Въ сущности ихъ было двѣ, хотя французская революція и выразила ихъ въ трехъ словахъ, и эти три слова стали навѣкъ незабвенными для челоуѣчества: Свобода-Равенство-Братство!

Эти двѣ идеи суть идеи *свободы личности* и *верховой власти народа*. Эти двѣ идеи и легли въ основу конституціи 1789—1791 г.

Такъ какъ этимъ идеямъ законодатели придавали особое значеніе, то рѣшено было выдѣлить ихъ особенно и запечатлѣть въ особой «Декларации», т. е. «Объявленіи о правахъ челоуѣка и гражданина».

Образецъ такого «Объявленія» былъ данъ незадолго передъ тѣмъ Американской Республикой.

Предполагалось въ этомъ «Объявленіи» громко, внушительно и разъ навсегда заявить тѣ коренныя убѣжденія революціонной Франціи, руководясь которыми надлежитъ выработать отдѣльныя статьи Конституціи. Предпосылая «Декларацию» Конституціи, Французскіе законодатели какъ-

бы говорили и самимъ себѣ, да и всѣмъ будущимъ законодателямъ: «вотъ права человѣка и гражданина, которыхъ никто никогда нарушить не можетъ, эти права навѣкъ неотъемлемы, священны и неприкосновенны. Какъ-бы времена ни мѣнялись, какія бы поправки въ Конституцію не вносились—*эти принципы* остаются *непоколебимыми*; они—обеспеченіе благополучія людей и государства». Такова была мысль законодателей, писавшихъ Декларацию, и этой мыслью объясняется, почему эта Декларация составлена въ такихъ общихъ и не всегда достаточно точныхъ выраженіяхъ: *она не законъ, она лишь указаніе на тѣ идеалы общественно-политическихъ отношеній, которые должны осуществляться въ жизни и гарантироваться законами.*

Вотъ почему о Декларации было сказано: «Если бы отъ всей Конституціи 1789—91 г. не осталось ничего, кромѣ ея предисловія, кромѣ Декларации, то и ея одной было бы достаточно для ея безсмертія. Подобно Евангелію, она благая вѣсть малымъ симъ!»

Что-же благовѣстила Декларация людямъ?

Декларация состоитъ изъ 17 статей, причемъ она не кончена; составители думали докончить ее позднѣе въ болѣе спокойныя времена. Эти 17 статей мы можемъ сгруппировать въ 2 отдѣла, выражающихъ два самыхъ основныхъ требованія Декларации. Одинъ отдѣлъ говоритъ о *Свободѣ человѣка*, другой о *верховныхъ правахъ народа*, состоящаго изъ *гражданъ*. Вокругъ этихъ двухъ идей и вращаются всѣ статьи Декларации, онѣ раскрываютъ понятія «свободной личности» и народного «суверенитета», онѣ говорятъ о правахъ человѣка и гражданина.

Идеѣ *свободы* удѣлено особенно много вниманія. Это

потому, что въ сущности свобода и есть то верховное право, изъ котораго, если его правильно понять, вытекають всѣ остальные права человѣка и, прежде всего, равенство въ тѣхъ размѣрахъ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно справедливо. Люди равны прежде всего, потому, что *всѣ* люди свободны отъ рожденія и должны, стало быть, пользоваться *всѣми* тѣми правами, которыя вытекають изъ понятія свободы, т. е. неприкосновенностью личности, свободой мнѣній (въ томъ числѣ и религиозныхъ), свободой слова устнаго и печатнаго.

Въ настоящее время нѣкоторые не въ мѣру суровые критики Декларациі ставятъ ей въ вину то, что въ ней не говорится о свободѣ митинговъ, стачекъ и т. п. современныхъ явленіяхъ. Но этотъ упрекъ не справедливъ. Объ этомъ не говорится въ Декларациі не потому, что составляли ее представители буржуазіи, которая будто-бы незаботливо относится къ интересамъ рабочаго класса, а просто потому, что рабочаго класса тогда, *какъ класса*, не существовало, и стало быть дѣлать спеціально классовые выводы изъ провозглашеннаго принципа не представлялось нужнымъ. Да къ тому-же французы, такъ-же, какъ и современные англичане, полагали, что разъ они сказали, что свобода личности заключается въ правѣ дѣлать все, что не вредить другимъ, и что предѣлъ свободы полагается только закономъ, то всѣ частные случаи примѣненія принципа свободы вытекають уже сами собой. Если они сдѣлали исключеніе, отдѣльно оговоривъ свободу мнѣній, въ частности революціонныхъ, и неприкосновенность личности, то это потому, что отсутствіе именно этихъ свободъ въ дореволюціонной Франціи давало себя особенно остро чувствовать.

Итакъ Декларация въ первую голову провозгласила величайшее изъ правъ личности—ея свободу. Затѣмъ было опредѣлено, въ чемъ именно заключается свобода, а потомъ, и это особенно важно,—было громко заявлено во-1-хъ, что предѣлъ личной свободы полагается *только закономъ*, а во-2-хъ, что свобода охраняется опять-таки *только закономъ* (§§ 7, 8, 9, 10, 11).

Это послѣднее заявленіе должно быть особенно отмѣчено, ибо оно привноситъ въ самое пониманіе свободы чрезвычайно важную черту: истинная свобода и устанавливается, и обезпечивается *только правомъ и закономъ*; навязать свободу тѣмъ, кто ее не захотѣлъ бы, или защищать свободу какими-нибудь незаконными, несправедливыми средствами, значитъ не только исказить свободу—это просто значитъ ее губить. Вотъ въ этомъ-то убійствѣ и повинна стала революціонная Франція, подчинившаяся партіи тогдашнихъ крайнихъ лѣвыхъ, т. к. называемыхъ «монтаньяровъ».

Мы сказали, что свобода *равно* присуща всѣмъ, и что она опредѣляется и обезпечивается закономъ.

Но что такое *законъ*? Кѣмъ онъ данъ? Можетъ ли быть онъ насильственно навязанъ народу?

Нѣтъ, отвѣчаетъ Декларация, законъ есть выраженіе *общей* воли всего народа. *Весь* народъ, *всѣ* граждане лично или черезъ своихъ выборныхъ должны участвовать въ изданіи закона, и именно потому, что въ каждомъ законѣ есть доля и *моей* воли, и моего творчества, каждый свободный гражданинъ долженъ *свободно* подчиняться законамъ, даже если они въ отдѣльныхъ случаяхъ и ограничиваютъ его свободу ради общаго блага.

Ибо свобода—(и тутъ Декларация добавляетъ еще новую и значительную черту въ опредѣленіи свободы—) ибо свобода есть прежде всего *самоограниченіе*. Свободный думаетъ непремѣнно о свободѣ другихъ, а не о своей собственной свободѣ, потому, что *моя* свобода возможна только среди другихъ свободныхъ-же людей; если былъ-бы свободенъ только я одинъ, а другіе были бы несвободны, то и моя свобода перестаетъ быть священнымъ, *равнымъ* для всѣхъ и *неотъемлемымъ* правомъ, а становится привилегіей, которая, какъ всѣ привилегіи, должна будетъ уступить когда-нибудь силѣ.

Въ такомъ пониманіи свобода является прямой противоположностью *произволу*, съ которымъ ее въ жизни по недораумѣнію такъ часто смѣшиваютъ. «Произволь» думаетъ только о себѣ, ему дѣла нѣтъ до правъ другихъ; произволь столько же не терпитъ равенства, сколько истинная свобода его требуетъ.

Итакъ, свобода обезпечивается и ограничивается *закономъ*, а законъ есть выраженіе *общей воли* всего народа. Весь народъ законодательствуетъ, и въ этомъ во-1-хъ—проявляется *равенство* всѣхъ и каждого, во-2-хъ, осуществляется вторая изъ главныхъ идей, провозглашенныхъ французской революціей.

Эта вторая идея есть идея о «верховныхъ правахъ народа» или, какъ говорится, идея «народнаго суверенитета». Эта идея совершенно такъ же важна, какъ и разобранная выше идея свободы личности.

Въ статьяхъ Декларации, въ которыхъ говорится о верховной власти народа, сказано такъ: «Вся верховная власть сосредоточена въ народѣ: *никакая группа лицъ*, никакое

отдѣльное лицо не можетъ властвовать, если не уполномочено на то народомъ» (ст. 3 и 6).

Въ этомъ заявленіи все важно: во-1-хъ, то, что Франція въ этихъ словахъ порывала съ прежнимъ, долго господствовавшимъ въ Европѣ взглядомъ на верховную власть, считавшуюся данной монарху отъ Бога, а не отъ людей. Теперь, по торжественному заявленію Декларациі, *вся* власть принадлежитъ *только* народу: значить, если существуетъ въ странѣ король, то лишь по волѣ и соизволенію народа; вся власть короля, весь его авторитетъ заимствуется имъ отъ власти и авторитета народнаго.

Во 2-хъ, въ своей Декларациі Франція не менѣе ясно утверждала, что эта верховная народная власть принадлежитъ лишь *всему* народу, а никакъ не какой-нибудь *части его*. Изъ этого съ очевидностью слѣдовало, что никакая группа не имѣетъ никакого права выдавать свои мнѣнія и желанія за мнѣнія и желанія всего народа. Поступая такъ, всякая партія является такимъ же самозванцемъ и обманщикомъ, какъ любой деспотъ, выдающій свою волю за волю народа или государства.

Дѣйствительныя мнѣнія и желанія народа въ его цѣломъ имѣютъ только одно законное и справедливое средство выраженія: черезъ законодательное собраніе, состоящее изъ выбранныхъ народомъ депутатовъ. Только оно одно, это собраніе, уполномочено рѣшать всѣ вопросы государства отъ имени всего народа и его волею. Только его рѣшеніемъ всѣ граждане обязаны повиноваться безусловно, какъ верховному владыкѣ, ибо только оно одно—это собраніе—вѣйствительно и представляетъ верховнаго владыку, т. е. самодержавный французскій народъ.

Таковы были основныя идеи Декларациі, столь громадныя по своему содержанию, что до сихъ поръ онѣ не только не утратили своего значенія, но наоборотъ съ каждымъ днемъ это значеніе ихъ все углубляется, раскрывая передъ нами широкія и прекрасныя дали. Еще разъ напомнимъ эти идеи: это, во-1-хъ, идея свободы и вытекающаго изъ нея равенства; и во-2-хъ, идея народнаго верховенства.

V.

Мы разобрали тѣ великія идеи, которыя провозгласила Французская революція въ своей знаменитой «Декларациі Правъ». Эти идеи надлежало затѣмъ осуществить въ жизни путемъ изданія соотвѣтствующихъ законовъ, которые и составили бы Конституцію.

Но тутъ законодатели впали въ противорѣчіе сами съ собой. Они какъ бы убоялись сдѣлать тѣ логическіе выводы, къ какимъ ихъ обязывали ихъ предпосылки.

А выводы эти были слѣдующіе: если всѣ люди свободны и равны въ своихъ правахъ, то *всѣ* люди, безъ различія пола, національности, вѣроисповѣданія должны пользоваться этими правами и первымъ изъ нихъ—участіемъ въ политической жизни страны.

Стало быть избирательное право должно быть всеобщимъ и равнымъ. Никакіе цензы не допускаются.

Далѣе: если верховная власть принадлежитъ народу, то государственное устройство должно быть вполне народнымъ, т. е. «демократическимъ», и стало быть носить форму демократической *республики*.

Таковы были выводы, которые должны были бы сдѣлать французскіе законодатели. Но они ихъ не сдѣлали; они боялись превратить Францію сразу въ республику, потому что огромное большинство французскаго народа написало въ тѣхъ «наказахъ», которыми оно снабдило своихъ депутатовъ, отправляя ихъ въ Парижъ, что они желаютъ сохраненія во Франціи королевской власти.

Кромѣ того, они не сдѣлали этого естественнаго и послѣдовательнаго вывода еще и потому, что тогда всѣ были убѣждены, что большое государство не можетъ существовать безъ монарха, и одинъ изъ величайшихъ писателей того времени увѣрялъ, будто республика можетъ быть только у такого народа, у котораго не больше 10 тыс. жителей, а во Франціи ихъ было 25 милліоновъ.

Не рѣшившись сразу превратить Францію въ республику, законодатели Учредительнаго Собранія сдѣлали и еще одну погрѣшность противъ провозглашенныхъ ими идей: вмѣсто всеобщаго и равнаго избирательнаго права, они ввели нѣкоторый *цензъ*, и такимъ образомъ вышло, что вовсе не всѣ французы получили возможность голосовать, а только нѣкоторые: тѣ, которые платили налоговъ въ годъ 3 франка, т. е. около 1 рубля. Конечно, сумма эта сама по себѣ ничтожна, и избирательное право, по отношенію по крайней мѣрѣ къ мужчинамъ, можно было-бы признать почти всеобщимъ, но всетаки основная идея «равенства была нарушена, и притомъ именно тѣми, кто первѣе всѣхъ должны бы были ее охранять».

Такимъ образомъ, Конституція 1789—91 г., которая должна была закрѣпить въ законахъ то, что было провоз-

глашено Декларацией, какъ незыблемая начала права, не только этого не сдѣлала, но сама же ихъ исказила.

Въ этомъ заключался первый грѣхъ французскихъ законодателей.

Второй ихъ грѣхъ заключался вотъ въ чемъ: они провозгласили *свободу* основнымъ и изначальнымъ правомъ cadaго челоуѣка. Но этого было мало: нужно было не только провозглашать свободу, но и дать *каждому* челоуѣку, хотя бы самому незначительному по положенію, возможность *по закону* отстаивать эту свободу отъ всѣхъ посягательствъ на нее, откуда бы они ни исходили. Изъ такихъ посягательствъ на личную свободу обывателей всегда самыми опасными являются посягательства, исходящія отъ представителей государственной власти, отъ чиновниковъ. Вотъ почему во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ свобода гражданъ не является пустымъ звукомъ, обращено особое вниманіе на то, чтобы всякій челоуѣкъ могъ обратиться къ защитѣ суда противъ всякаго обидчика— будь-то министръ, губернаторъ, или другое какое высшее лицо.

Раньше всѣхъ другихъ странъ къ защитѣ свободы по суду обратилась Англія, и потому у нея полнѣе всего и развита свобода личности.

Ибо надлежитъ твердо помнить, что истинная свобода можетъ защищаться *только* закономъ, а никогда не силой, потому что только *законъ*, т. е. воля всего народа, опредѣлить границу моей свободы и свободы другого. Если этотъ «другой» посягаетъ на мою свободу, значитъ онъ *переступилъ* черезъ заповѣдную границу, значитъ онъ учинилъ произвслъ, совершилъ *преступленіе* противъ закона. Въ

цивилизованныхъ государствахъ всякое преступленіе карается по суду, а не самочинно, и потому всѣ нарушенія свободы должны подлежать судебной защитѣ.

Французскіе законодатели не совсѣмъ это поняли. Они поняли, что покушенія на лишеніе кого-бы то ни было свободы должно встрѣчать отпоръ, и потому въ Декларациі разрѣшили людямъ «сопротивляться», но они не поняли, такъ сказать, всей священности принципа свободы и того, что не сила, а право должно его защищать. Поэтому они не создали въ своей Конституціи никакого закона, подобнаго знаменитому англійскому (Habeas corpus Act). Такимъ образомъ и случилось, что «свобода», првозглашенная въ Декларациі, въ послѣдствіи очень часто и грубо нарушалась, но люди не могли ее защищать законнымъ путемъ, не прибѣгая къ насилію и произволу. *«Свобода» оказалась беззащитной.*

VI.

Мы рассмотрѣли ошибки, которыя сдѣлала Конституанта въ созданныхъ ею законахъ. Тѣ, на которыя мы выше указали, были далеко не единственными, но онѣ были, пожалуй, наиболѣе важными и глубокими, ибо это были погрѣшности противъ самой сути провозглашенныхъ Революціей идей.

Изъ указанныхъ нами ошибокъ, «беззащитность» свободы оказалась наиболѣе роковой и гибельной, потому что дальнѣйшія событія французской исторіи сложились такъ, что только прочное обоснованіе свободы предотвратило-бы Францію отъ ненужныхъ жестокостей и бѣдъ революціи.

Обратимся къ фактамъ.

Борьба, начавшаяся между Законодательнымъ Собраніемъ и Королемъ съ весны 1789 г., не прекращалась. На словахъ король соглашался съ тѣмъ, что дѣлала Конституанта, на дѣлѣ-же онъ старался ей всячески помѣшать.

Ему казалось, что новые законы разрушаютъ государство, и онъ полагалъ, что волею Всевышняго онъ обязанъ, во что бы то ни стало, защищать и отстаивать старый порядокъ вещей. Хуже всего то, что онъ полагалъ, что для столь прекрасной цѣли *есть* средства пригодны, и что если у него для этого не хватаетъ откровенныхъ силъ и способовъ, то можно пустить въ ходъ лукавство и обманъ. Недоразумѣнія между королемъ и Национальнымъ Собраніемъ обострились до чрезвычайности къ осени 1791 г.

И такъ какъ къ этому-же времени первое Учредительное Собраніе закончило свою работу и написало для Франціи новую Конституцію, то оно и разошлось, уступая мѣсто новому порядку вещей.

Этотъ новый порядокъ оказался на практикѣ неудовлетворительнымъ.

Франція по конституціи превратилась въ страну монархически-демократическую. Другими словами, верховная власть, принадлежащая всему французскому народу, на дѣлѣ осуществилась черезъ двухъ *представителей* народа: черезъ короля, который представлялъ исполнительную власть народа, и черезъ Собраніе Законодателей, которое олицетворяло его законодательную силу.

Этотъ порядокъ вещей, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, можетъ быть весьма хорошъ и сбезпечиваетъ народу широкое демократическое развитіе, какъ это мы и

видимъ на примѣрѣ Англїи. Но во Франціи въ 1791 г. эти условїя соблюдены не были.

Кромѣ того, и лично Людовикъ XVI не сумѣлъ честно и открыто превратиться въ конституціоннаго монарха; онъ все еще ждалъ тѣхъ междуусобицъ, которыя, по расчету его не по разуму ретивыхъ приверженцевъ, должны были уничтожить самую конституцію и вернуть страну къ ея старымъ порядкамъ.

Отсутствіе честности со стороны короля, естественное недовѣріе со стороны Собранія и Парижа привели къ концу перваго-же года новаго режима къ его совершенному краху. Король, пользуясь предоставленнымъ ему по конституціи правомъ, не захотѣлъ утвердить тѣ законы, которые Законодательное Собраніе считало для государства и его безопасности совершенно необходимыми. Тогда парижане возстали, осадили королевскій дворецъ и принудили короля бѣжать и искать спасенія въ залѣ Законодательнаго-же Собранія (10 авг. 1791 г.).

Законодательное Собраніе объявило короля временно низложеннымъ, конституцію 1791 г. уничтоженной и предложило всей странѣ произвести выборы новыхъ депутатовъ, которые будутъ облечены чрезвычайной властью и должны будутъ въ первую очередь разрѣшить слѣдующіе 2 важнѣйшіе вопроса: 1) какъ поступить съ королемъ? и 2) выработать для Франціи новую конституцію въ большемъ соотвѣтствіи съ началами, провозглашенными въ Декларациі Правъ.

Послѣ этого рѣшенія Законодательное Собраніе разошлось, уступивъ мѣсто Новому Учредительному Собранію—*Конвенту*.

Этотъ *Конвентъ* прсуществовалъ три года: съ осени 1792 по осень 1795, и именно на его долю выпали всѣ тѣ ужасы, которые омрачили французскую революцію и очень многихъ заставили въ ней горько разочароваться.

Конвентъ былъ больше, чѣмъ первое учредительное собраніе Франціи, чѣмъ Конституанта. Онъ былъ больше ея потому, что Конституанта была призвана не управлять Франціей, а только написать для нея конституцію, *Конвентъ* же долженъ былъ и писать Конституцію, и управлять страной, какъ ея верховный повелитель. Онъ, въ полнотѣ своего состава, дѣйствительно олицетворялъ весь народъ и по праву дѣйствовалъ отъ его имени.

Несмотря на такія чрезвычайныя его полномочія, Франція, уже наученная горькимъ опытомъ Конституанты, рѣшила не дѣлать его столь многочисленнымъ и опредѣлила число членовъ Конвента въ 749 человекъ.

Онъ открылъ свою дѣятельность 21 сент. 1792 г. и началъ съ того, что низложилъ короля и провозгласилъ Французскую республику.

Конечно, какъ мы уже указали въ своемъ мѣстѣ, именно республиканскій строй лучше и вѣрнѣе всего отражалъ тѣ идеи свободы, равенства и народнаго верховенства, о которыхъ говорилось въ Декларациі, и которыя Конституанта въ свое время не рѣшалась осуществить потому, что вся Французская нація стояла тогда за монархію.

Съ тѣхъ поръ прошло 3 года (1789—1792), и настроеніе страны, особенно столицы, круто измѣнилось.

Уже лѣтомъ 1791 г., послѣ неудачной попытки короля убѣжать въ пограничную крѣпость и оттуда силою солдатъ сломить собраніе, въ Парижѣ образовалась партія, котрая

громко и настойчиво потребовала низложенія короля и провозглашенія республики. Во главѣ этой партіи стоялъ Дантонъ. Тогда голось этихъ первыхъ республиканцевъ остался въ меньшинствѣ, но къ осени 1792 г. дѣла, какъ мы видѣли, такъ измѣнились, что теперь вся Франція въ многочисленныхъ заявленіяхъ и адресахъ радостно привѣтствовала совершившійся переворотъ.

Меньше единодушія вызвалъ вопросъ о судьбѣ короля. Лично никто его особенно не жалѣлъ, но двѣ главныя партіи конвента, которыя играли преобладающую роль въ всѣхъ его рѣшеніяхъ—*жирондисты* и *монтаньяры*—расходились по вопросу, какъ съ нимъ справедливѣе поступить.

Монтаньяры, которыми руководили депутаты г. Парижа, чрезвычайно лѣво настроенные, не хотѣли соблюдать никакихъ правилъ при судѣ надъ бывшимъ королемъ; они считали, что по отношенію къ нему всякое насиліе дозволено, и одинъ изъ нихъ такъ прямо и заявилъ: «король такой врагъ государства, что его слѣдуетъ не судить, а просто убить».

Жирондисты думали иначе. Они полагали, что ради всеобщаго блага необходимо соблюдать законность, и что нѣтъ такого злого преступника, котораго можно было-бы убить такъ, просто. Кромѣ того, жирондисты были вообще противниками смертной казни. Ибо смертная казнь есть, конечно, самое послѣднее выраженіе крайняго пренебреженія къ правамъ человѣка, къ его свободѣ. Жирондисты полагали, что страна, провозгласившая свободу тѣмъ идеаломъ, ради котораго только и стоитъ и жить, и умирать, не можетъ, не измѣнивъ себѣ, смертью карать преступника, даже если онъ повиненъ въ государственномъ преступленіи. Эта глубокая принципіальная разница между монтанья-

рами и жирондистами, обозначившаяся по вопросу о судьбѣ короля, съ теченіемъ времени все усиливалась, пока не привела къ открытой и жестокой враждѣ.

Эта вражда вызывалась не вопросами наилучшаго государственнаго устройства,—въ этомъ и тѣ и другіе сходились—всѣ были *республиканцами*,—вражда вызывалась вопросами *тактики*: допустимо-ли въ извѣстныхъ случаяхъ, ради извѣстныхъ цѣлей, нарушать тѣ права человѣка и гражданина, которыя провозглашены были священными. Монтаньяры отвѣчали:—да! жирондисты отвѣчали:—нѣтъ!

За это отстаиваніе права и справедливости даже по отношенію къ коронованному преступнику, жирондисты въ послѣдствіи жестоко поплатились: ихъ обвинили въ скрытомъ потворствѣ королю, въ недостаточномъ республиканизмѣ.

Когда дѣло дошло до голосованія вопроса о казни короля, то оказалось, что изъ 749 депутатовъ присутствуютъ всего только 366, и вотъ этими-то 366 голосами вопросъ и былъ разрѣшенъ! Это было меньше половины всего народнаго представительства!

Людовика XVI казнили 21 янв. 1793 г.

Эта казнь, по мнѣнію очень многихъ, являлась не только поступкомъ, ссуждаемымъ моральнымъ чувствомъ, но и великой *государственной* ошибкой. Здѣсь уместно привести слѣдующія слова одного французскаго историка и мыслителя:

«Если-бы можно было внять только голосу *государственнаго интереса*, то онъ подсказалъ бы революціонерамъ, что никогда еще династія не могла быть искоренена мученичествомъ одного изъ ея членовъ. Напротивъ того: огромная

жалость къ «мученику» вскорѣ возстановляетъ какогнибудь новаго владыку. Смертный приговоръ надъ королемъ всегда служилъ только къ поднятію королевскаго престижа. Ни Іаковъ II Англійскій, ни Карль X французскій не возвращались изъ изгнанія, тогда какъ Карль I Англійскій и Людовикъ XVI Французскій вернулись съ эшафота и снова воцарились въ лицѣ Карла II и Людовика XVIII».

Казню Людовика XVI начался длинный рядъ кровавыхъ расправъ внутри страны, а извнѣ противъ нея заключили союзъ всѣ монархіи Европы, и война стала ужасной.

Франція больше, чѣмъ когда-либо, рѣшила воевать. Для нея эта война являлась отстаиваніемъ недавно пріобрѣтенной республиканской свободы, и страна единодушно поддерживала Конвентъ, когда онъ, въ своемъ обращеніи къ французамъ, говорилъ: «Французы! вы не дадите погибнуть спасенному вами отечеству. Ваше пораженіе обрекло бы весь міръ на трауръ и слезы. Вся Европа простилась-бы со свободой, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли-бы надежды вселенной. Побѣда же ваша вызоветъ *братство* народовъ, они провозгласятъ васъ преобразователями міра, и въ лѣтописяхъ исторіи не встрѣтятся подвиговъ болѣе славныхъ, чѣмъ ваши дѣянія».

Франція всевала за республиканскую свободу противъ монархическаго деспотизма.

Но ея военныя силы были очень незначительны; арміи были разстроены отсутствіемъ сфицерства, которое, вслѣдъ за братьями покойнаго короля, бѣжало за-границу. Солдатъ было мало, они были необучены, немундированы и не снабжены всѣмъ необходимымъ. Пополнять армію было

тѣмъ труднѣе, что въ глубинѣ страны да и въ самой столицѣ, т. е. въ тылу, шли большіе беспорядки.

Во-первыхъ, крестьянство нѣкоторыхъ наиболѣе глухихъ областей Франціи объявило, что оно не хочетъ воевать, а хочетъ мира; а что ужъ если воевать, то будетъ воевать за короля, за старый порядокъ и за свою старую католическую вѣру. Началось страшное «Вандейское» возмущеніе, на нѣсколько лѣтъ окровавившее часть Франціи. Возмущеніе, въ которомъ люди совсѣмъ озвѣрѣли, мучили и убивали другъ друга, переставъ понимать кто свой, кто чужой. Враги Франціи этимъ воспользовались и гдѣ могли захватили ея города и земли.

Во-вторыхъ, въ самой странѣ, послѣ казни короля, обнаружился большой расколъ: рядомъ съ законнымъ и всевластнымъ правительствомъ Конвента и его агентовъ, выросло и стало уродливо разрастаться незаконное, самозванное второе правительство *парижской городской коммуны*.

Она захватила власть въ свои руки съ 10 авг. 1792 г. и не довольствуясь своимъ авторитетомъ въ самомъ Парижѣ пыталась распространить его и надъ всей страной.

Ея комиссары, разосланные въ департаменты, творили тамъ разныя политическія финансовыя и административныя беззаконія. Они арестовывали всѣхъ тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, дѣйствовалъ не такъ, какъ подобало «добрымъ патріотамъ».

Эти чувства и мысли «добрыхъ патріотовъ» они вообще считали свойственными только себѣ однимъ и рѣшительно не допускали мысли, что можно, горячо любя Францію,

и именно во имя этой любви, усматривать въ ихъ поведеніи нѣчто такое, что только вредить благу родной страны.

Эта дѣятельность комиссаровъ Коммуны очень возстановила противъ Парижа провинціи: онѣ боялись, что онъ захочетъ вертѣть всей Франціей по своему, а самъ будетъ слѣпо подчиняться тѣмъ, кто, уничтоживъ всякую свободу, захватитъ въ свои руки диктаторскую власть. Говорили о трехъ лицахъ, которыя въ Парижѣ стали всемогущи: это Дантонъ, Робеспьеръ и Марать.

Жирондисты сдѣлали великую ошибку: они не постарались найти точку соглашенія съ монтаньярами, не постарались ихъ образумить.

Вражда между этими двумя партіями принимала все болѣе рѣзкій и личный характеръ: вмѣсто того, чтобы быть единой передъ лицомъ врага, Франція раздѣлилась на-двое.

Выступленія Марата особенно были безумны. Изо дня въ день этотъ больной человекъ печаталъ въ своей газетѣ «Другъ народа» лживыя и кровожадныя статьи. Онъ всѣхъ обвинялъ въ недостаточномъ патріотизмѣ, въ измѣнѣ и рекомендовалъ всегда только одно средство: рѣзать, бить, казнить!

Самъ перепуганный на смерть, утративъ малѣйшее пониманіе пользы страны, онъ не сознавалъ, какіе кровавые ужасы онъ готовитъ ей, сбивая слабыхъ, малодушныхъ людей съ толку и проповѣдуя имъ не порядокъ, законность и справедливость, а беззаконіе, насиліе и злобу.

Его губительная дѣятельность была какъ нельзя болѣе на руку всѣмъ врагамъ революціи и республики, и многіе изъ нихъ поддерживали неистовства Марата и Маратистовъ,

полагая, что тогда революція пожретъ сама себя и породить такое страстное желаніе вернуться хоть къ какому нибудь порядку, что возможно будетъ воскресить Монархію.

Разсуждая такъ, они, конечно, разсуждали совершенно правильно, ибо несомнѣнно (и исторія это засвидѣтельствовала неоднократно)—что всякій разъ, когда та или другая страна впадаетъ въ междуусобицы и анархію—въ ней немедленно выростаетъ деспотизмъ, тѣмъ болѣе суровый, чѣмъ большая распушенность и беззаконіе господствовали до него. Анархія и деспотизмъ стоятъ гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ деспотизмъ и революція; другими словами: люди долѣе могутъ выносить деспотизмъ, чѣмъ анархію: она для страны *очень быстро* становится непереносимой.

Разнуздыванье страны, дурныхъ страстей и личныхъ честолюбій скоро привели къ естественнымъ результатамъ. Конвентъ—верховная власть въ государствѣ—былъ объявленъ Парижской коммуной подъ подозрѣніемъ: даже его стали упрекать въ недостойномъ патріотизмѣ. Толпа, подогрѣваемая криками Марата, требовала очищенія Конвента отъ жирондистовъ. Она ворвалась въ залъ засѣданій, безчинствовала въ городѣ. Конвентъ, состоявшій изъ 3-хъ партій—жирондистовъ, монтаньяровъ и большей половины «безразличныхъ»—струсиль. Изъ страха «безразличные», «болото», какъ ихъ называли, превратились въ крайнихъ и стали прикидываться «добрыми патріотами» во вкусѣ Коммуны. Своими трусливыми голосами они и предали жирондистовъ. Въ ночь на 2-е іюня 1793 г. 32 жирондиста, изъ самыхъ видныхъ, были арестованы; другіе успѣли бѣжать и, вернувшись къ своимъ избирателямъ, передали имъ вмѣстѣ съ горестной исторіей насилія, совершеннаго

Парижанами надъ верховнымъ Государственнымъ Учрежденіемъ Франціи, свою ненависть къ проповѣдникамъ и учителямъ этого насилія.

Вся Франція пришла въ неописуемое волненіе; департаменты возстали, въ каждой области началась междоусобная война между приверженцами жирондистовъ и сторонниками монтаньяровъ. Послѣдніе побѣждали. Изгнавъ или арестовавъ лучшихъ представителей партіи Жиронды, они тѣмъ самымъ совершенно ее обезсилили, и Парижъ, а за нимъ и вся Франція вскорѣ оказалась въ ихъ рукахъ.

Хотя къ лѣту 1793 г. въ конвентѣ уже была выработана новая конституція, но ее рѣшили въ виду всеобщей смуты не вводить въ жизнь, и Франція прожила цѣлыхъ три года подъ дѣйствіемъ чрезвычайныхъ законовъ, управляемая Комитетомъ общественнаго Спасенія «изъ 9 лицъ» и судимая Революціоннымъ трибуналомъ т. е. судомъ, въ которомъ всѣ обычныя гарантіи правосудія были отмѣнены, который искалъ не правды, а казни, и суда не милостиваго, а только скороаго.

Скорость, дѣйствительно, онъ развилъ необыкновенную, и, по свидѣтельству очевидца, если обвинительный актъ вручался обвиняемому въ 10 ч. утра, въ 12 ч. его уже приводили въ судъ, въ 2 ч. выносили приговоръ, а въ 4 ч. вели на казнь.

Такъ какъ многіе думали, что все зло кроется въ братоубійственной проповѣди Марата, и что если заставить его замолчать, то кровопролитіе во Франціи остановится, то нашлась въ одной изъ сѣверныхъ областей Франціи такая самоотверженная дѣвушка, которая цѣною собственной жизни рѣшила спасти свою родину отъ внутреннихъ раздоровъ.

Ее звали Шарлоттой Кордэ. Она приѣхала изъ Руана

въ Парижъ и нашла случай зарѣзать Марата (13 іюля 1793). Черезъ три дня она была казнена, но передъ смертью успѣла написать слѣдующее воззваніе «Къ французамъ, друзьямъ законности и мира»:.... «Возстаньте Французы! Сокрушите монтаньяровъ, и пусть послѣ этого во Франціи будутъ только братья... Убивая Марата, я не посягала на законъ, ибо онъ—внѣ закона... Пусть меня казнятъ, и пусть моя голова, пронесенная по Парижу, послужитъ знакомъ объединенія для всѣхъ друзей закона».

Въ этомъ воззваніи стоитъ отмѣтить то глубокое затмѣніе нравственнаго чувства, то полное смѣшеніе правовыхъ понятій, кот. въ это время произошло въ умахъ и душахъ французовъ: Шарлотта Кордэ, великодушная и мужественная, писала: «я не посягаю на законъ—убивая Марата». Совершая убійство, она не считала, что попираетъ законъ; самозванно являясь и судьей, и палачемъ, она не считала, что посягаетъ на правосудіе!

Куда дѣвалась Декларация Правъ и неприкосновенность личности? Отчего замолчалъ законъ—это выраженіе общенародной воли? Все было попрано и уничтожено. вмѣсто народа, за него и отъ его имени говорили 9 человекъ въ Комитетъ Общественнаго Спасенія, поставившіе свою волю на мѣсто воли народа.

Марать, проповѣдывавшій беззаконіе и убійство, былъ самъ убитъ. Шарлотта Кордэ, думавшая, что убійствомъ Марата она спасетъ Францію отъ дальнѣйшихъ убійствъ, была казнена,—а казни все множились и множились.

За лѣто и осень 1793 г. крупнѣйшіе города Франціи возстали противъ Монтаньярскаго правительства. Тулонъ, важнѣйшій военный портъ, передался англичанамъ, въ

Ліонъ началась контръ-революція, раздуваемая сторонниками королевской власти, на сѣверо-западѣ Нантъ выдерживалъ ужасную войну противъ возставшихъ крестьянъ. Франція грозила развалиться. А на ея границы наѣдали враги со всѣхъ сторонъ: Англія, Пруссія, Голландія, Австрія, Испанія.

Среди этихъ ужасовъ, безуміе страха и жестокости достигло послѣднихъ предѣловъ. Такъ какъ жирондисты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимали активное участіе въ борьбѣ съ монтаньярами, то послѣдніе, въ октябрѣ 1793 г., потребовали преданія ихъ суду, какъ измѣнниковъ.

Обвиненіе было фантастичное. Всѣ отлично знали, что жирондисты такіе же убѣжденные республиканцы, какъ и монтаньяры, и что ни о какой измѣнѣ ихъ и рѣчи быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе ихъ начали судить.

Вскорѣ выяснилось, что то, что они говорили на судѣ, до такой степени свидѣтельствуесть въ ихъ пользу, что пожалуй судьи революціоннаго Трибунала не рѣшатся ихъ осудить. Тогда Монтаньяры съ Робеспьеромъ во главѣ заставили Конвентъ спѣшно издать законъ, разрѣшавшій судьямъ прекращать пренія сторонъ въ любой моментъ по истеченіи 3-хъ дней и прямо ставить вопросъ о виновности. Едва этотъ дикій законъ, убивавшій всякое правосудіе, сталъ извѣстенъ, Революціонный Трибуналъ постановилъ не слушать больше рѣчей обвиняемыхъ, а прямо вынести имъ обвинительный приговоръ.

Это и было сдѣлано. Услышавъ его, жирондисты возмутились. Они обратились къ присутствующимъ здѣсь зрителямъ: «Народъ! Тебя обманываютъ!» Но народъ молчалъ—отчасти отъ непониманія, больше отъ страха, ибо теперь

открывали ротъ только крикуны и безнаказанно можно было говорить только о насиліяхъ и убійствахъ. Отстаивать законъ и право теперь было опасно, и люди молчали. Одинъ изъ обвиняемыхъ сказалъ судьямъ: «Мы умираемъ въ тотъ день, когда народъ утратилъ свой разумъ; вы умрете въ тотъ день, когда онъ снова обрѣтетъ его». Эти слова оказались пророческими.

Послѣднюю ночь передъ казнью жирондисты провели всѣ вмѣстѣ въ разговорахъ о родинѣ, о ея будущемъ. Настоящее ихъ угнетало. «Какъ хотѣлъ я, сказалъ одинъ изъ нихъ, видѣть дѣло революціи завершеннымъ любовно. Вмѣсто того, его хотятъ завершить терроромъ, ужасомъ.»

31-го октября 1793 г. всѣхъ осужденныхъ повезли къ мѣсту казни. Всю дорогу они громко пѣли Марсельезу. И когда подъѣхали къ эшафоту, все еще продолжали ее пѣть. Поочередно каждый изъ нихъ всходилъ по ступенькамъ на возвышеніе, и хоръ тогда ослабѣвалъ на одинъ голосъ, но онъ совершенно замолкъ лишь тогда, когда послѣдній сложилъ голову на плахѣ.

А черезъ недѣлю погибла и еще одна знаменитая жирондистка, г-жа Роланъ, страстная и убѣжденная республиканка, жаждавшая въ государствѣ свободы, а не насилія и кровопролитія монтаньяровъ. Ея послѣднія слова хорошо отражали то смущеніе, которое невольнo должно было овладѣть душой и совѣстью всѣхъ честныхъ людей, искренно вѣрившихъ въ то, что республика принесетъ съ собой лучшіе порядки, чѣмъ тѣ, которые были прежде. И вотъ республика пришла, смѣнила старыхъ правителей, даже казнила ихъ, установила новые порядки, при которыхъ будто бы должна господствовать свобода, равенство и братство...

Но гдѣ же они? гдѣ эти обѣщанныя благополучія? И всѣ, вѣрившіе въ республику, невольно смущались духомъ и восклицали вмѣстѣ съ г-жей Роланъ: «Свобода, свобода! сколько во имя твое совершено преступленій!»

Когда, въ концѣ 1793 г., выяснилось, что дѣла Франціи на границѣ поправились, и что внутренняя смута и распаденіе государства, хотя и ужасными мѣрами, но приостановлено, возникла мысль о томъ, что пора прекратить и тотъ режимъ террора, отъ котораго многіе приходили въ ужасъ и отчаяніе.

Однако, кто первый осмѣлится заговорить во всеуслышаніе о милосердіи и правосудіи, когда эти слова изгнаны изъ рѣчи, какъ преступленіе, и когда только принадлежность къ террористамъ обезпечивала личную безопасность?

Это рѣшились сдѣлать Дантонъ и его другъ Камиль Демуленъ. Ихъ возмущала не только система постоянныхъ казней, которую отстаивалъ Робеспьеръ и Монтаньяръ, но ихъ возмущалъ и самъ Робеспьеръ со своими замашками диктатора и единственно непогрѣшимаго во всей Франціи человѣка. Правда, не о самомъ Робеспьерѣ, но о его ближайшемъ другѣ и полномъ единомышленникѣ, — Сентъ Жюстѣ, К. Демуленъ остроумно и зло написалъ въ своемъ журналѣ: «рыцарь С. Жюстъ носить свою красивую голову, какъ сосудъ со Св. Причастіемъ»... Потомъ К. Демуленъ пошелъ и дальше; онъ откровенно заявилъ на страницахъ «Стараго Кордельерца»: «Анархія, дѣлая всѣхъ господами, заставитъ вскорѣ ихъ всѣхъ подчиниться *единому господину*. Этого - то *единого* господина я и боюсь!...»

Робеспьеръ и его друзья отлично понимали, о комъ идетъ рѣчь. Его ревность «очистить» республику ото всѣхъ, кто думалъ о ней иначе, чѣмъ онъ самъ, все увеличивалась.

Къ «дурнымъ патриотамъ» прежнихъ дней теперь онъ и его единомышленники присоединялъ еще: съ одной стороны всѣхъ «умѣренныхъ», такъ онъ называлъ Дантона и данто-нистовъ, съ другой стороны всѣхъ «бѣшенныхъ» или атеи-стовъ, т. е. безбожниковъ, людей, отрицавшихъ самое суще-ствование Божества. По складу своего ума и характера Робеспьеру были прямо враждебны обѣ эти группы фран-цузскихъ революціонеровъ, и хотя онъ въ одной изъ своихъ рѣчей громко нападалъ на нетерпимость, но самъ понималъ ее такъ узко, что, можно сказать, на дѣлѣ отрицалъ ее. Вообще свобода вѣрованій, какъ, впрочемъ и всѣ другія проявленія свободы личности, были ему непонятны. Онъ дошелъ даже до того, что сталъ требовать введенія во Фран-ціи новой *государственной* религіи, подчиняться которой обязаны были всѣ граждане, независимо отъ ихъ убѣжденій, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, изгнанія изъ госу-дарства за недостаточную гражданственность.

Такимъ образомъ, этотъ крайній революціонеръ оказы-вался бѣльшимъ деспотомъ, чѣмъ прежніе короли, и, грубо нарушая принципъ свободы, вторгался въ область религіи и совѣсти, меньше всего терпящей насиліе.

Понятно, какое впечатлѣніе должно было это вторже-ніе произвести.

Уже и раньше Французская революція своимъ неумѣ-лымъ и несправедливымъ вмѣшательствомъ въ вопросы чисто церковные и даже догматическіе оттолкнула отъ себя великое множество французовъ, до того горячихъ привер-

женцевъ революціи, но не согласныхъ ради нея поступаться своими религіозными убѣжденіями.

Конвентъ не только продолжилъ неправильную политику прежнихъ двухъ Національныхъ Собраній, но еще и обострилъ ихъ ошибки, окончательно оттолкнувъ отъ себя всѣхъ вѣрующихъ людей.

Конвентъ осенью 1793 г., уступая требованію нѣкоторой части парижской Коммуны, тѣмъ «бѣшеннымъ», которые уже поминались выше, постановилъ вовсе уничтожить во Франціи христіанскую вѣру, а на мѣсто ея ввести поклоненіе Разуму съ разными церемоніями.

Вотъ это Робеспьеру очень не нравилось, и онъ вмѣсто «культъ разума» рѣшилъ ввести «культъ Верховнаго Существова».

Но предварительно онъ хотѣлъ раздѣлаться съ тѣми, кто установилъ въ Парижѣ культъ разума, велѣлъ ихъ арестовать, судить и казнить, обвинивъ ихъ, по всегдашней тогда манерѣ, въ измѣнѣ государству и въ сношеніяхъ съ иноземцами.

Очистивъ такимъ образомъ съ помощью эшафота Францію отъ «бѣшенныхъ», Робеспьеръ обратился затѣмъ къ «умѣреннымъ», т. е. къ Дантону.

Обвинить его въ «измѣнѣ» было безумно, но даже передъ этимъ безуміемъ не остановился Робеспьеръ. Ибо только онъ одинъ, Дантонъ, могъ соперничать съ Робеспьеромъ, могъ побѣдить его, могъ не допустить его диктатуры.

Обвинителемъ Дантона выступилъ С.-Жюсть. Въ рѣчи, произнесенной ночью 30 марта 1794 года, онъ говорилъ: «Есть что-то страшное въ священной любви къ родинѣ, она такъ исключительна, что требуетъ принесенія себѣ въ

жертву всего безъ жалости, безъ страха, безъ человѣчнаго уваженія, всего во имя общественной пользы. Республики не создаются пошадюю, онѣ создаются жестокой суровостью, непоколебимой суровостью ко всѣмъ, кто предалъ... Только когда вы *сокрушите всѣ группы*... только тогда, французы, любите другъ друга».

Можно-ли было глубже исказить дѣло революціи? Куда дѣвались знаменитые лозунги Свобода и братство? Французамъ предлагалось любить другъ друга лишь послѣ того, какъ дѣло всеобщаго разрушенія будетъ dokonчено.

Дантонъ зналъ про все это; его предупреждали, ему совѣтовали бѣжать. Но онъ глубоко душевно усталъ отъ всей бойни послѣднихъ мѣсяцевъ и слишкомъ любилъ Францію, слишкомъ уповалъ на революцію, чтобы въ минуту, когда одна, казалось, погибала, а другая такъ жестоко измѣняла сама себѣ,—искать личнаго спасенія въ бѣгствѣ.

Годъ тому назадъ, когда Парижу угрожало нѣмецкое вторженіе, когда перепуганное тогдашнее, такъ называемое жирондистское министерство собиралось бѣжать изъ столицы, Дантонъ властно останвилъ струсившихъ: «Я не покину Парижа, нѣтъ! Я выписалъ сюда свою 70-лѣтнюю старуху-мать и своихъ двухъ дѣтей! Пусть всѣ они погибнуть со мной! Пусть 20 тыс. факеловъ превратятъ Парижъ въ груды пепла! Бѣжать нельзя!»

И теперъ онъ не хотѣлъ бѣжать и на всѣ уговоры друзей грустно отвѣчалъ: «бѣжать? куда? развѣ можно унести свою отчизну на подошвѣ своихъ башмаковъ?»

— «Они, робеспьеристы, хотятъ вашей головы, говорили ему, возьмите ихъ головы».

— «Значить мнѣ нужно убить Робеспьера? возражалъ онъ,—нѣтъ, пусть лучше онъ меня гильотинируетъ, а я не хочу никого гильотинировать»...

Впрочемъ, онъ самъ не вѣрилъ, чтобы они рѣшились на это: «не посмѣютъ!».

Но они посмѣли.

2-го апрѣля онъ уже предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ.

Конвентъ, изъ страха передъ Робеспьеромъ, не смѣлъ даже протестовать, хотя у одного депутата и вырвались неосторожныя, но честныя слова: «не допустимъ, чтобы личная ненависть и страсти отнимали у свободы людей, которые служили ей больше другихъ. Не забудемъ, что Дантонъ въ 1792 г. спасъ Францію!».

И всетаки Конвентъ это забылъ и—не спасъ Дантона.

Когда онъ, въ качествѣ обвиняемаго, вступилъ въ тотъ революціонный судъ, возникновенію котораго послѣ 10 августа онъ самъ способствовалъ и который былъ очень плохъ тѣмъ, что въ немъ отмѣнены были всѣ гарантіи, обеспечивающія безпристрастіе суда и интересы подсудимаго,—Дантонъ понялъ свою ошибку: только справедливый и свободный судъ можетъ обезпечить свободу, а не такой судъ, который являлся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ тогдашняго правительства, т. е. комитета общественнаго спасенія и Робеспьера.

И понявъ свою ошибку, Дантонъ громко и горько въ ней раскаялся: «Боже и люди! Простите меня, что я учредилъ этотъ трибуналь. Я хотѣлъ предупредить рѣзню и самосудъ толпы, но я не хотѣлъ создавать бичъ чловѣчества».

Процессъ Дантона длился нѣсколько дней. Дантонъ говорилъ съ такимъ жаромъ, такъ убѣдительно, что рѣчь его въ открытыя окна была слышна на улицѣ, и толпа волновалась, слушая своего любимаго оратора. Робеспьеръ безпокоился, какъ-бы процессъ не обратился противъ него, и все торопилъ судей.

И всетаки одинъ изъ нихъ никакъ не могъ рѣшиться на это преступленіе. Дантонъ — предатель?! Человѣкъ, вся общественная и политическая дѣятельность котораго прошла у всего Парижа на виду, который требовалъ республики тогда, когда Робеспьеръ ее не хотѣлъ еще... И этотъ человекъ предатель?...

Судья волновался и не могъ рѣшиться. Тогда къ нему подошелъ товарищъ и, отведя его въ сторону, сказалъ: «Послушай, это *не процессъ*, это — *мѣра*: эти двое людей не могутъ существовать одновременно, нужно, чтобы одинъ изъ нихъ погибъ. Хочешь-ли ты убить Robespierre? — нѣтъ! — Этимъ ты ссудилъ Дантона!».

Онъ погибъ на эшафотѣ вмѣстѣ съ Демуленомъ и другими 5 апр. 1794 г.

Проѣзжая къ мѣсту казни мимо дома, въ которомъ жилъ Робеспьеръ, онъ воскликнулъ: «Робеспьеръ, я влеку тебя за собою!».

Его слова сбылись: черезъ 4 мѣсяца и самъ Робеспьеръ былъ казненъ.

Послѣ казни Дантона послѣдняя сдержка снималась съ террора: онъ сдѣлался единственной мѣрой управленія, началась эпоха, называемая «великимъ терроромъ». Революціонный Трибуналъ и гильотина работаютъ не останавливаясь, съ регулярностью часового механизма: съ начала

1793 г. до весны 1794 г., т. е. за годъ съ небольшимъ, въ Парижѣ казнено 1220 человѣкъ, а съюня 1794—за 49 дней— казнено 1376 человѣкъ.

И въ то же время Робеспьеръ ввелъ задуманный имъ культъ Верховнаго Существа, непризнание коего считалось грѣхомъ достойнымъ изгнанія, и во имя котораго надлежало бороться «со всѣми пороками и тиранами» опять таки съ помощью гильотины.

Всѣ притаились и замерли отъ ужаса. «Неиспорченнаго», «неподкупнаго» Робеспьера боялись хуже всякаго деспота. Парижъ не смѣлъ вздохнуть. День за днемъ всходилъ онъ на трибуну въ Конвентѣ и произносилъ длинныя туманныя рѣчи, въ которыхъ избѣгалъ называть по именамъ, но въ которыхъ всегда кого-нибудь обвинялъ либо въ недостаткѣ республиканизма, либо въ безбожїи, либо въ испорченности...

«Кажется, отъ монтаньяровъ, если ихъ очистить отъ всѣхъ негодныхъ элементовъ, не останется скоро и 20 человѣкъ», говорилъ его другъ, художникъ Давидъ.

И чѣмъ больше боялись Робеспьера, тѣмъ больше его начинали ненавидѣть. Препрежнее восхищеніе его добродѣтелями уступало мѣсто страху и отвращенію. Возникла мысль, что его надо убить для того, чтобы не быть имъ казненнымъ.

И такъ какъ никто не зналъ, за что именно казнять, и такъ какъ всякій гражданинъ обязывался доносить на всякаго, кто ему покажется «дурнымъ патріотомъ»,—то всѣ почувствовали себя въ такой атмосферѣ подозрительности, шпіонства, насилія и убійства, что дольше ее выносить

стало невозможно, и чтобъ не задохнуться въ ней, самые разнообразныя люди сошлись на одномъ: убить Робеспьера!

Заговоръ составилъ въ самомъ Конвентѣ, Робеспьеръ это зналъ. Онъ попробовалъ защищаться, сказалъ, что его враги—это враги общественной свободы, и что ихъ нужно уничтожить.

Защита эта оказалась очень неудачной. Новая угроза чистки Конвента и Комитетовъ придавала членамъ ихъ храбрости. Одинъ изъ нихъ громогласно заявилъ: «Я обращаюсь къ Франціи! Настало время цѣликомъ сказать правду. Одинъ человѣкъ парализуетъ волю всего народнаго представительства, всего Конвента, и этотъ человѣкъ — Робеспьеръ». Поднялся невособразимый шумъ, и засѣданіе закрылось среди полнаго безпорядка.

На другой день (это было 9-е термидора, т. е. 27 іюля) Робеспьеръ хотѣлъ защищаться, но ему не дали договорить.

Заговорщики рѣшили покончить съ нимъ, и одинъ изъ нихъ прямо заявилъ: «Собраніе стоитъ между двумя убійствами. Если оно будетъ слабо—оно погибнетъ».

Всѣ закричали: «долой тирана!» Кто-то крикнулъ: «его душить кровью Дантона». Робеспьеръ воспрянулъ и, блѣдный, потрясая кулакомъ, бросилъ справедливый и горькій упрекъ Конвенту: «А! вы теперь хотите мнѣ отомстить за Дантона, вы, трусы и подлецы, незахотѣвшіе въ свое время его защитить!».

Конвентъ постановилъ арестовать Робеспьера и его друзей. Но Коммуна цѣликомъ была на ихъ сторонѣ и приказала тюрьмамъ не принимать къ себѣ арестованныхъ. Такимъ образомъ вышло, что къ вечеру Робеспьера при-

вели въ Ратушу, и онъ увидѣлъ себя опять въ кругу единомышленниковъ и приверженцевъ.

Они предлагали ему сейчасъ-же призвать на свою сторону солдатъ, но сдѣлать этого онъ не рѣшился. Какъ будто онъ внезапно самъ смутился своимъ самозванствомъ, какъ будто онъ усумнился въ своей правотѣ...

А между тѣмъ Конвентъ сбъявилъ *внѣ закона* не только Робеспьера, но и всю парижскую Коммуну, всѣхъ неповинующихся ему, Конвенту...

И вотъ въ то время, какъ Робеспьеръ въ раздумьѣ и нерѣшительности сидѣлъ въ ратушѣ, колеблясь, начать-ли ему междуусобную войну противъ единственнаго законнаго правительства и представительства страны, въ комнату вошелъ человекъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ Робеспьера. Онъ упалъ, обливаясь кровью: пуля раздробила ему челюсть. Изъ его ближайшихъ друзей одинъ тутъ же застрѣлился, другой выбросился въ окно и былъ поднятъ еле-дышащимъ, а двухъ остальныхъ арестовали. Было 2 часа ночи.

А на другой день, въ 1 часъ дня, Революціонный Трибуналъ, еще наканунѣ послушное и жестокое орудіе въ рукахъ Робеспьера, судилъ его самого. Засѣдали тѣ же судьи и такъ же пристрастно и несправедливо совершилось посрамленное дѣло правосудія.

Въ тотъ же день его казнили; вокругъ повозки, на которой его везли, прыгали и плясали люди, которые вчера еще раболѣпно во всемъ съ нимъ соглашались.

И когда его голова скатилась съ плечъ, огромный крикъ радости, огромный вздохъ облегченія прокатился по площади, раздался съ крышъ домовъ, усѣянныхъ зрителями,

и повторился въ биткомъ набитыхъ тюрьмахъ. «Робеспьеръ умеръ! Мы свободны».

Его смертию кончилась эпоха «великаго террора», но казни далеко еще не кончились, и Франція долго еще не смогла вернуться къ правильной и свободной государственной жизни.

Въ этомъ-то и заключается весь ужасъ такихъ государственныхъ порядковъ, которые основываются на страхѣ и насиліи, что даже свергнувъ ихъ, народъ не въ состояніи непосредственно вернуться въ царство свободы и права. Онъ отравленъ дурными навыками прежнихъ дней. Старое воспитаніе постоянно напоминаетъ о себѣ, врываясь въ новый строй.

Въ этомъ губительномъ вліяніи на людей *всякаго* деспотизма, т. е. всякаго отрицанія Свободы, и кроется объясненіе того факта, почему Франція, свергнувъ съ себя иго королевскаго деспотизма и на словахъ провозгласивъ режимъ свободы, на дѣлѣ смѣшала ее съ произволомъ и вмѣсто свободы и права установила угнетеніе и беззаконіе. Ее воспитала въ безправіи прежняя государственная власть и сама же отъ этого первая и погибла. Но среди бурь революціи и чрезвычайнаго напряженія, въ которомъ стала жить страна, она, конечно, не могла успѣть перевоспитаться, и вотъ на смѣну павшему деспотизму абсолютной монархіи пришелъ другой деспотизмъ—Конвента и Коммуны. А такъ какъ право и свобода ни тѣмъ, ни другой въ надлежащей мѣрѣ не признавались и не охранялись, такъ какъ и Конвентъ, и Коммуна нарушали право и законъ и рѣшали свои споры силой, то послѣдняя и восторжествовала какъ верховный аргументъ.

Но государство не можетъ существовать и жить, постоянно управляемое только страхомъ и силою, ибо это состояніе подобно состоянію вѣчной войны. Люди утомляются и отъ чрезмѣрнаго страха наконецъ рѣшаются на крайній поступокъ: они силою низвергають давящую ихъ силу.

Послѣ смерти Робеспьера Франція пережила новый ужасъ въ видѣ массовыхъ уничтоженій всѣхъ, кто прежде назывался монтаньярами. Какъ будто тѣ люди, которые измучились страхомъ въ 1793—94 годахъ, спѣшили теперь выместить свои мученія на тѣхъ, кто тогда господствовалъ.

И въ этой жестокой братоубійственной войнѣ совсѣмъ забывали объ общей родинѣ, о своемъ государствѣ, о Франціи. О ней еще помнила только армія, только тѣ, кто стоялъ на фронтѣ передъ лицомъ врага. Въ тылу объ ней говорили иногда въ пышныхъ рѣчахъ, но на дѣлѣ объ ней не думали, не заботились.

А она погибала. Она пришла въ гораздо худшее состояніе, чѣмъ была въ 1789 году. Она была разорена, истощена, обезлюдѣла. По свидѣтельству путешественниковъ, вся Франція походила на страну, опустошенную долгой изнурительной войной. Тѣ области, которыя нѣкогда были превращены въ плодородныя земли путемъ осушенія болотъ, снова превратились въ болота; гавани и порты занесло пескомъ; плотины и запруды развалились, дороги пришли въ совершенную негодность, мосты разрушились. Разбойниковъ развелось такое множество, что путешественники заранѣе покупали у нихъ своего рода пропускныя свидѣтельства по лѣсамъ и дорогамъ, на которыхъ они застѣли.

Торговля и промышленность почти перестали существовать. Въ Парижѣ рабочихъ уменьшилось разъ въ 6—7. Въ Марселѣ количество торговыхъ сдѣлокъ за 1 годъ равнялось тому количеству, которое въ 1789 году приходилось на 1¹/₂ мѣсяца.

Дороговизна была бѣшеная. Деньги совсѣмъ обезцѣнивались. Люди умирали съ голоду или прокучивали послѣднее, если имъ удалось какъ нибудь случайно хорошо заработать.

Конвентъ выработалъ наконецъ новую Конституцію, которой уничтожалась прежняя, и которая создала для Франціи очень своеобразный и, какъ оказалось, очень неудачный государственный порядокъ.

На мѣсто уничтоженной королевской власти новая конституція установила совѣтъ изъ 5 *директоровъ*, почему и самое правительство, и соотвѣтствующая эпоха Французской исторіи стала называться «Директоріей».

Директора осуществляли исполнительную власть Французскаго народа, а законодательная его власть принадлежала *двумъ* законодательнымъ палатамъ.

При этомъ было постановлено, что для того, чтобы попасть въ депутаты, необходимо обладать гораздо высшимъ имущественнымъ достаткомъ, чѣмъ то требовалось по Конституціи 1791 года; другими словами, имущественный цензъ былъ повышенъ, и, значить, Франція еще больше удалялась отъ принципа равенства, чѣмъ прежде! Таковъ былъ неожиданный результатъ, къ которому пришла французская революція.

Годы Директоріи оказались ужасными годами. Пять правителей ни въ чемъ не могли столкнуться ни между

собой, ни съ законодательными палатами. Споры и несогласія между ними разрѣшались только путемъ насилій. Солдаты стали вмѣшиваться въ политику и отдавали свои штыки на службу той или иной группы.

Простой народъ изнывалъ. Войны не прекращались, и войны стали грабительскія.

Завоеваннымъ странамъ Франція не приносила освобожденія, а только требовала съ нихъ денегъ, ибо ея казна была совсѣмъ пуста.

Народъ до того усталъ, что все стало ему противно: говоря о собственныхъ бѣдахъ, говорили такъ же безучастно, какъ если бы это были бѣды другихъ временъ и другихъ народовъ.

До того устали, что даже уже не имѣли силъ и охоты свергнуть этотъ давящій порядокъ, вѣрнѣе этотъ всеобщій беспорядокъ, и только ждали: не придетъ-ли кто-нибудь, кто возьметъ въ свои руки высшую власть и используетъ ее для того, чтобы восстановить государство и снова наладить общую жизнь. Готовы были отказаться и отъ свободы и отъ равенства, разъ они приводили либо къ ужасамъ 92—95 г.г., либо къ анархіи 95—99. Готовы были снова и радостно склониться подъ ярмовластнаго господина, лишь-бы восторжествовала хоть какая-нибудь законность, хоть какой-нибудь порядокъ, и лишь бы Франція съ честью кончила свою войну съ Европой.

И этотъ «Господинъ» пришелъ. Его звали Наполеонъ. Франція встрѣтила его восторженно и цѣлыхъ 15 лѣтъ слѣпо и преданно повиновалась ему.

Онъ презиралъ свободу и увѣрялъ, что французы никогда не умѣли ее ни цѣнить, ни любить, какъ слѣдуетъ.

Онъ говорилъ, что они съ грѣхомъ пополамъ понимаютъ, что такое «равенство», да и отъ него готовы отречься.

И онъ имъ далъ равенство, но ссобое: равенство подчиненія; всѣ французы были равно безправны передъ нимъ, и онъ одинъ возвышался надъ всѣми.

И однако Наполеонъ ошибся. Идеи равенства и свободы оказались сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ, и, разъ пущенныя въ оборотъ человѣческой мысли, принесли свои плоды. Ибо нельзя убить истинную идею.

Прошли года, и когда притупилась горечь пережитыхъ въ эпоху революціи разочарованій и обидъ, свобода и равенство снова встали во всей своей чистотѣ и яркости. По прежнему остаются они идеалами общественнаго и политическаго устройства. По прежнему стремятся къ нимъ человѣчество. Объ этомъ свидѣтельствуесть жизнь.

Исторія же должна научить насъ не повторять тѣхъ ошибокъ, которыя, хотя и временно, но настолько омрачили эти высокіе идеалы, что даже заставили нѣсколько поколѣній людей усумниться въ ихъ достижимости.

150
446416
КОНТОРА

Центральнаго Комитета партіи Народной Свободы

помѣщаются въ Петроградѣ, Эргелевъ пер., д. № 8, кв. 15.

Открыты ежедневно отъ 11 до 4-хъ час. дня. Тел. 167--52.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу:

- М. М. Винаверъ.** Исторія Выборгскаго воззванія. 45 к.
М. М. Винаверъ. Тактика партіи Народной Свободы. 15 к.
О. А. Добіашъ-Рождественская. Что такое Франція въ прошломъ и настоящемъ, и за что она воюетъ. 25 к.
А. С. Изгоевъ. Наши политическія партіи. 50 к.
Н. И. Карѣевъ. Отчего окончилась неудачей Европейская Революція 1848 г. 20 к.
Н. И. Карѣевъ. Чѣмъ была Парижская Коммуна 1871 г. 20 к.
А. А. Кизеветтеръ. Простая рѣчь о свободѣ и свободной жизни. 5 к.
Ө. Ө. Кокошкинъ. Республика. 20 к.
Ө. Ө. Кокошкинъ. Учредительное Собраніе. 20 к.
А. А. Корниловъ. Партія Народной Свободы. 20 к.
Н. О. Лосскій. Чего хочетъ Партія Народной Свободы. 15 к.
А. Н. Макаровъ. Пропорціональные выборы. 25 к.
А. М. Петрункевичъ. О великой французской революціи. 50 к.
И. В. Пузино. Чего ждутъ нѣмцы отъ Россіи. 15 к.
Н. Н. Соколовъ. Учредительное Собраніе. 20 к.
В. М. Штейнъ. Наши экономическія и финансовыя задачи. Какъ получить землю. 5 к.
Какъ предполагала надѣлить крестьянъ землею партія Н. С. во II-ой Гос. Думѣ. 10 к.
Павель Николаевичъ Милюновъ. 5 к.
Основныя положенія партіи Народной Свободы. 5 к.
Программа партіи Народной Свободы. 10 к.
Программа по аграрному вопросу. 5 к.
Резолюція VII-го дел. съѣзда партіи Н. С. 8 к.
Резолюція VIII-го дел. съѣзда партіи Н. С. 10 к.
Степнографическій отчетъ VII-го делегатскаго съѣзда партіи Н. С. 1-й день съѣзда. 1 руб.

Кромѣ того, на складѣ имѣются:

- В. И. Добровольскій.** Почему я стою за партію Народной Свободы. 15 к.
Русскимъ товарищамъ. (Обращеніе бельгійскихъ рабочихъ). 10 к.

Все означенныя изданія можно выписывать изъ Конторы издательства, а также изъ книжныхъ складовъ (тел. 41-61) и «Провинція» (Петроградъ) Комитетами и организаціями партіи въ магазинахъ—скупка.

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00329489 5